
Галина Чередий
Одинокая Вампирша
желает познакомиться
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Галина Чередий

Одинокая вампирша желает познакомиться. 1

«Автор»
2026

Чередий Г.

Одинокая вампирша желает познакомиться. 1 / Г. Чередий — «Автор», 2026

Читать фэнтезийные романы о попаданцах я забросила лет в семнадцать, перейдя на современные любовные романы. Они, конечно, сказки еще почище любой фантастики, но все же шанс встретить в реальности ничейного миллионера-красавца и влюбить его в себя чу-у-уточку больше, чем на тоже самое в другом мире с принцем эльфов, несметно богатым лордом-драконом или могучим альфой оборотней. Но жизнь показала, что попасть в совершенно другой мир можно никуда не деваясь и из этого. И кого только там не встретишь, кто еще знает с какими последствиями

© Чередий Г., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1 5
ГЛАВА 2 9
ГЛАВА 3 12
ГЛАВА 4 16
ГЛАВА 5 18
ГЛАВА 6 20
ГЛАВА 7 24
ГЛАВА 8 26
ГЛАВА 9 29
ГЛАВА 10 32
ГЛАВА 11 36
ГЛАВА 12 40
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Одинокая вампирша желает познакомиться. 1

ГЛАВА 1

— Вот не умею я этими палочками орудовать, хоть ты убейся. — сокрушенно вздохнула Наталья Ивановна, подхватывая очередной ролл вилкой и макая его в соевый соус. — Ты тоже, Ланусь?

— Ага. — вынуждена была признать я, повторяя ее маневр. — Учили меня, учили, тренировалась сама — не выходит, хоть тресни. Косорукость у меня какая-то врожденная. Люблю ведь роллы, а палки эти никак мне не поддаются.

Зато из этих палочек замечательные опоры для комнатных растений получаются, так что я и свою пару и Натальи Ивановны в сумку прибрала, чего добру пропадать. Глянула на часы в телефоне, половина десятого, пора мне выдвигаться, хоть и гулянка полным ходом. Праздновали мы тридцатилетие моей подруги и коллеги — Ирки Зотовой. Ирка всякий движ и веселье страшно любила и практиковала, упорно стремясь в жизни к формуле “каждый день должен быть праздником пока ты молод”. Поэтому она и замуж до сих пор не вышла и пока даже не планировала, ибо “нафига мне эти унылые семейные будни”, была легка на подъем и использовала любой повод и возможность. А тут повод, так повод. Так что, в офисе она проставилась чисто в качестве затравки веселья, на завтра запланированы шашлыки большой компанией у меня на даче, а потом как пойдет. Всяко может быть, смотря как подруга разойдется.

— Эй, вы чего там шепчетесь? А ну бокалы поднимаем за мое здоровье! — окликнула нас с Натальей Ивановной Ирка.

Я бокал подняла, хоть по ощущением мне уже хватит и сама поднялась, пошла вокруг сдвинутых столов к подруге. Мы чокнулись, выпили, я в который раз чмокнула ее в щеку и негромко сообщила, что ухожу.

— Ну Ла-а-анка-а-а! Че так рано то? — ожидаемо проныла подруга, потому как в подпитии она часы наблюдать перестает и для нее становиться всегда рано.

— Ир, я на электричку опоздаю.

— Ну и фиг с ней! У меня заночуешь, а завтра двинем вместе на дачу.

— А Юпи, Ир? Сама же знаешь, если я его вовремя из вольера не выпущу, он соседей с ума сведет воем. Точно заяву накатают.

— Всегда ты так! — с обидой насупилась подруга. — Вот нафига его заводила только! Воняет, жрет как слон, еще и проблемы от него.

— Он сам завелся. — и ничуть не воняет, немного попахивает только, но на то он и здоровенный зверь, брутальный самэц и кобель в самом расцвете сил, должно от него пахнуть по умолчанию. — Все, я побежала, завтра жду к обеду!

Напоминать подруге, что так-то ее идея устроить посиделки с шашлыками на моей даче застала несколько врасплох и до их появления мне предстоит уборка в авральном режиме я не стала. Давно привыкла, что Ирка вся из себя внезапная и взбалмошная, в любой момент может что угодно в башку ее стрельнуть, зато человек хороший, не подлый и не равнодушный, что сейчас почти редкость.

Через привокзальную площадь пришлось пробежаться, потому что какой-то идиот застрял на трамвайных путях, решив переехать их в неположенном месте и буксовал минут пять, но на электричку я все же успела. Едва вскарабкалась по крутым железным ступенькам, как двери мягко захлопнулись, вагон вздрогнул, залязгал всеми своими железными сочленениями и медленно тронулся, а я с облегчением выдохнула. Опоздание на электричку стало бы

проблемой. Деревня Вяхирево, рядом с которой и располагалось наше СНТ “Ударник”, располагалась на редкость неудобно, если туда добираться не на личном транспорте. Вроде и от города всего тридцать кэмэ, но рейсовый автобус туда отменили по непонятным соображениям еще где-то в девяностые, скорее всего из-за малочисленности населения. Маршрутка ходила только по выходным, в будни невыгодно, вот и оставалась только электричка, раз на личное авто я еще не накопила. Еще и очень меня в намерении приобрести свои колеса тормозили постоянные жалобы Ирки на то, что машине не только кататься, надо еще заправлять, обслуживать, чего-то там менять, проверять, а цены на это кусаются. Опять же, дураков и психов на дороге полно, а у меня, в отличии от подруги, нервы не железные.

Учитывая, что сегодня была пятница, народу в вагоне было много, лето, время дач и походов. Я заглянула в него, не увидела ни одного свободного сидячего места и решила, что не помру постоять двадцать минут, тем более в середине вагона наблюдалась шумная компания явно подвыпивших парней, которые активно цеплялись к другим пассажирам.

Привалилась спиной к стенке в тамбуре и прикрыла глаза. Тут же появилось ощущение, что все вокруг начало кружиться, постепенно ускоряясь. Блин, похоже последний бокал вина был лишним. И предпоследний тоже.

Глаза открыла, заморгала, глядя в окно, но от вида стемительно мелькающих за ними огней начало мутить. Перевела взгляд на противоположную стену и через минуту стало неумолимо клонить в сон. Вот же зараза, синька — зло.

Так я и развлекалась все тридцать с чем-то минут и три прогона пути — глаза закрою, открою, в окошко посмотрю, на стенку потаращусь. И за этим чрезвычайно важным занятием я как-то проморгала появление в тамбуре странного мужика. То есть, люди то там появлялись и исчезали, выходили на остановках, заходили, я на них особо внимания не обращала. А тут прямо таки кожей взгляд почувствовала. Глянула вправо и увидела высокого мужчину, одетого в длинный , чуть не до пяток, кожаный черный плащ. Вообще не по погоде, учитывая что на дворе конец июня и даже ночью плюс двадцать.

Потом я разглядела его ботинки на высоком рельефном протекторе, несколько вычурных подвесок, видимо амулетов, болтающихся на его груди, многочисленные крупные кольца на пальцах и в последнюю очередь дошла до его физиономии. И сразу же захотелось отвернуться.

Нет, он не был уродом, даже скорее уж наоборот. Блондин, с длинными и что немаловажно чистыми волосами, заплетенными в толстую косу и одинокой прядью, как бы невзначай свешивающейся ото лба до подбородка. Черты лица очень правильные, даже эдакие канонично-аристократичные, но чрезмерная бледность и какой-то брезгливо-высокомерный изгиб губ делали его отталкивающим. Не говоря уже о странном взгляде глаз с бледно-голубой, едва окрашенной радужкой. Взгляд этот казался одновременно и тяжелым, осязаемым и стеклянно-пустым, на ум пришло сразу — неживым. Бр-р-р, даже изморозь вдоль позвоночника стекла и сердце немного зачастило, хотя в остальном я весь его облик сочла выпендрежно-театральным. Или в неформала дядя заигрался в какой-нибудь, так и не вылезшей из подвала или гаража рок-группе или под мага-экстрасенса какого-нибудь косит, нынче это модно.

Ирка до Нового года с одним таким встречалась. Тоже вечно во всем черном, куча цацок на нем, аж звенел на ходу, глаза то таращил, типа видел души умерших ходящие между живыми, то внезапно в астрал уходил, якобы ничего не слыша и не реагируя. Особенно часто он туда проваливался когда платить где-нибудь в ресторане или клубе надо было, за что в итоге и был послан подругой, не убоявшейся даже обещания наслать страшное проклятие. Ирка у нас и сама девушка состоятельная, в нашей конторе работает из любви к процессу, никак иначе, но мужиков предпочитает правильных, а правильные по ее версии это — могучий в постели, щедрый по жизни и не слишком умный и красивый. Потому как умные все либо унылые и ЖОЗники, либо хитрожопые любители из экономии подсосаться, а красивые в наше время,

по ее же утверждению, вообще зачастую три в одном — поголовно бабники, нарциссы-скорострелы и альфонсы.

Я искоса глянула на мужчину раз, другой, он не шевелился, стоял столбом и, как будто, никакого интереса ко мне не проявлял, глядя как на ту же стену тамбура. Я сочла за благо повернуться к нему спиной, давая понять, что тоже никакого интереса не испытываю.

Вскоре была и моя остановка, двери распахнулись и я с облегченным вздохом сбежала по ступенькам, краем глаза отмечая, что странный тип, славатехосподи, так и остался торчать в ярко освещенном прямоугольнике дверей электрички. Уже на перроне споткнулась на ровном месте, но к счастью, даже подпорченная алкоголем координация позволила мне не растянуться и дальше пойти вполне уверенно.

Вместе со мной электричку покинули еще несколько человек, всех их я знала. Не лично, конечно, но почти каждый день вместе топали по одной дороге туда и обратно. Они — две молодые женщины, дама средних лет и парень, шли до Вяхирево, где и жили, а я чуть дальше, через перелесок в наше СНТ.

— Удачных выходных! — крикнул по обыкновению парень, когда им пришло время сворачивать в деревню и я, так же по обыкновению, махнула рукой.

За все время совместных хождений мы так и не познакомились, хотя я знала, что его зовут Сергеем. Я не стремилась сближаться, он посматривал, но не решался, так что этим все наше общение и ограничивалось.

Я ускорила чуть шаг, предвкушая уже как выпущу из вольера засидевшегося Юпитера, вдоволь с ним наобнимаюсь, залезу под душ, выпью чаю и заберусь в постель. Впрочем, можно и без чая. А с утра уже быстренько драить дом и на участке прибраться хоть поверхностно, побегать с электро триммером, скосить изрядно вымахавшую траву.

Я уже вошла в перелесок, как внезапно мне почудилось что-то, заставив оглянуться и остановиться. Прислушалась — ничего такого, обычные звуки ночной загородной природы. Лягушки вопят в пруду неподалеку, сверчки запиливают монотонно, парочка так и не обретших пару соловьев в кронах оплакивают на все лады свое одиночество, изредка посвистывает семейство маленьких сычиков, почти беззвучными тенями мелькают над головой летучие мыши.

Вздохнув, я снова пошла, но уже через несколько минут опять уловила нечто… шаги, это были чьи-то шаги, которые почти вторили моим собственным и только самую малость запаздывали. Резко расстегнула сумку, сунула в нее руку, нашаривая баллончик и ускорила шаг почти до бега, то и дело оглядываясь и молясь, чтобы не споткнуться и не расквасить нос. Чертов баллончик никак не находился, под руку попадалось все что угодно, кроме него. Продолжая шарить, я сорвалась все же на бег, тем более, что до пятна света от фонаря перед крайним в СНТ двором многодетного семейства перепелиных фермеров оставалось уже шагов двадцать.

Позади вдруг затрещало, как если бы преследователь перестал таиться и тоже ускорился, я набрала в легкие воздуха, готовясь заорать что есть сил, но тут меня со страшной силой дернуло за ворот блузки назад. Ткань затрещала, спиной я будто в стену врезалась, дух перехватило, крик захлебнулся. Кто-то рванул меня за волосы, запрокидывая голову так, что в шее громко и очень больно хрустнуло. Перед глазами от этой боли сначала полыхнуло, потом сразу непроглядно потемнело, и тут же кожу на шее резануло. На грудь потекло жидкое и горячее, над ухом раздался омерзительный хлюпающий звук, сознание стало ускользать и я неожиданно осознала, что сейчас умру. Стало себя бесконечно жаль, а еще жальче бедолагу Юпитера, ну кто о нем без меня-то позаботиться и неожиданно в угасающее сознание внедрился его тоскливый вой, реальный или галлюцинация — не понять. Невесть откуда взялись силы, я бездумно забилась, пытаясь вырваться, ощутила, что в руке что-то зажато, твердое, длинное, тонкое и в отчаянье слепо ткнула назад, на гадкий хлюпающий звук.

Почудилось — мое орудие обороны вошло в нечто мягкое, сопротивления почти не встретив, несчастное мое ухо заложило от рева, в лицо плеснуло чем-то холодным, а в следующее мгновение меня ударило между лопаток так, что я куском легкого пластика на ураганном ветру оторвалась от земли и улетела с дороги в кусты, да еще и прокатилась по ним, проламывая просеку и собирая десятки колючек, царапин и разве что чудом сохранив глаза целыми.

ГЛАВА 2

На удивление, сознание я не потеряла, поэтому слышала, как нападавший на меня стремительно удалялся, ломая заросли и оглашая окрестности ревом. Вскоре все затихло, а по кустами заметался желтый луч фонарика.

— Эй! — раздался голос Володи — разведенца перепелок и отца многочисленного семейства. — Кто здесь? Имейте в виду, у меня ружье! Убирайтесь или я буду стрелять!

— Не надо в меня стрелять. — собравшись с силами, сказала я негромко, зажала ладонью рану на шее и со стоном перевернулась на спину.

— Светлана? Это ты? Что случилось? — лязгнула калитка, луч зашарил ближе ко мне и я подняла руку и вяло помахала, помогая себя обнаружить.

— На меня напали. Вызовите Скорую пожалуйста, — прохрипела, превозмогая боль в горле.

— Соня! Соня, сюда иди! — закричал Володя, затопал все ближе, затрещал ветками под ногами и через несколько секунд луч ударил мне в лицо, вынудив зажмуриться и заслониться рукой. — О, Господи! Ты в крови вся! Это что ж такое?! Соня, на Свету напали! Надо ее к нам отнести!

Соня ему что-то отвечала, еще кого-то звала, потом меня и правда подняли, тащили под руки, но сознание меня покинуло, как только мы очутились в доме.

В себя я пришла некоторое время спустя и уставилась в незнакомый деревянный потолок.

— Света, ты как? — склонилась надо мной Соня, жена Володи и мать большого семейства.

Рыжая, кудрявая, с веснушчатым улыбчивым лицом, она встревоженно смотрела на меня, прижимая ладони к округлому животу.

— Еще не знаю. — ответила честно, попытавшись мысленно изучить свое состояние, — А что со Скорой?

— Они сказали — сами везите, представляешь? — возмущенно всплеснула она руками, — Типа пока они сюда из райцентра доедут ты все равно помрешь, если травма серьезная, а им нафиг не нужен лишний покойник в статистике, из города вызывайте. Нет, ну ты представляешь?! Мы на них жалобу в прокуратуру и министерство решили накатать. Мерзавцы какие! Но ты не переживай, Свет, Володя сейчас нашу колымагу заведет, прогреет и отвезет тебя в травмпункт районный.

— А я доживу? — спросила я и потрогала шею, обнаружив там пухлую повязку.

— Конечно доживешь, ты чего, Свет! У тебя на шее две дырочки всего, на укус похоже, кожа порвана конечно, но кровь идти перестала сразу. Зашить бы надо, а то шрам большой будет, некрасиво. А в остальном одни царапины и ссадины. Хотя на рентген все же надо, вдруг ребра поломаны или еще чего. Свет, это что же за зверь у нас завелся такой, теперь и детей за забор не выпусти? Ты его разглядеть хоть успела?

Я хотела мотнуть головой, но ойкнула и опять схватилась за повязку.

— Нет, он со спины напал и укусил.

— А как ты отбилась? Или его Володька спугнул?

Я подняла руку и посмотрела на пальцы, вспоминая ощущение чего-то зажатого в них длинного и тонкого. Что у меня в сумке такое завалялось то? Ручка? Нет, коротковата. Что тогда?

— Может надо к охотникам, пусть облаву сделают или чего там положено? — продолжила тревожные размышления Соня. — Еще и уколы тебе теперь назначат обязательно от бешенства. Но если эту зверюгу выследят и подстрелят, то анализы сделают и может все колоть не придется. Ой, господи, кто же это мог быть, а , Свет? Ну не медведь же в самом деле! Они у

нас водятся вообще? Или рысь? А вдруг из частного зверинца кто сбежал? В Вяхирево у озера какой-то богатей землю накупил и отстроился, слышала? Местные говорили, что он лебедей и прочую декоративную птицу развел, павлины с фазанами ходят свободно, а по вечерам рев слышно, так что хищников точно каких-то содержит. Закон приняли запрещающий, но когда денег девать некуда плевать же на него.

Я слушала Соню, продолжала аккуратно щупать повязку, сглатывая и прислушиваясь к себе, где же болит, а где обошлось. Лежала я на диване в их небольшой гостиной, а сквозь балясины лестницы на второй этаж на меня таращилась ребятня и тихо шепталась, не реагируя на приказы матери немедленно отправляться по кроватям.

Со двора послышался звук сначала зачихавшего, а потом взревевшего двигателя и в дверях появился Володя, одетый в синий спортивный костюм.

— Ну че, погнали, пока не заглохла! — сказал он и они с Соней опять подхватили меня под руки, но теперь я пошла, а не поволоклась на них.

И даже практически самостоятельно вскарабкалась в их УАЗИК буханку, правда тут же упав на заднее сидение, где и пролежала всю дорогу. Соня прокричала нам что-то напутственное, помахав ружьем, которое ей передал муж и мы поехали.

В травмпункте меня осмотрели с видом “и чего вы приперлись с такой ерундой”, только после моей настойчивой просьбы, просветили рентгеном. Даже швов не сподобились наложить, зато вкатили несколько страшно болючих уколов, чем-то быстро прокапали, намотали новую повязку и сообщили, что жизни мое состояние не угрожает и необходимости госпитализации не усматривают. А вот на прививки от бешенства придется поездить. Правда обрадовали, что наука на месте не стоит и о сорока уколах можно забыть, будет их всего пять в течении трёх месяцев. Но никакого алкоголя за это время и пару месяцев спустя!

Володя меня дождался и отвез обратно в СНТ и предложил даже на всякий у них под присмотром заночевать, но я отказалась. Чувствовала я себя намного лучше, голова почти не кружилась, просто тело все ломило, как после долгой тренировки и спать очень хотелось. Поблагодарила от всей души, выбравшись перед своим домом из машины под нетерпеливое повизгивание заждавшегося Юпи и попрощалась.

Войдя во двор, первым делом открыла вольер, выпуская пса. Он привычно рванулся ко мне лизаться, но резко остановился, попятился и заворчал.

— Эй, дружище, это же я!

Юпи явно смутился, но все равно не дал до себя дотронутся, принялся тщательно настороженно обнюхивать на расстоянии, кружа поблизости, то и дело заглядывая в лицо, будто сверял запах и образ, которые никак совпадать не хотели.

Ну еще бы, я наверняка пахну той зверюгой, что на меня напала, кровью, кустами, в которых валялась, больницей и еще черти чем. У бедного Юпи перегрузка обонятельная.

Моя сумка осталась где-то в кустах, вместе с ключами и телефоном и ее еще предстояло найти утром, но у меня был запасной ключ на крючке в вольере Юпитера, так что в дом я попала. Пес крался следом, так и не приближаясь и продолжая шумно принюхиваться. Я осмотрела себя в зеркале в ванной. Бледная, глаза будто ввалились, темные круги вокруг них, лицо, плечи-руки в царапинах, брызгах и потеках крови, в волосах трава и мелкие ветки, на шее повязка, одежда вся на выброс. Но ведь могло быть намного-намного хуже. Так что не унываем, заживет все. Главное завтра проснуться пораньше и Ирке позвонить, отменить гулянку, както я сильно не в форме для этого. А учитывая общительность и количество друзей-приятелей Ирки, ей не составит труда подыскать для тусы другое место.

Разделась, аккуратно, так чтобы не повредить и не мочить повязку, смыла кровь и грязь, поплелась в спальню и улеглась. Повозилась, укладываясь поудобнее и слыша, как топчется на пороге и вздыхает Юпи. Наконец он грузно бухнулся на пол в коридоре и тут же отключилась

и я. Последней смутной мыслью перед сном было “Я что, отбилась от зверюги парой палочек для суши?”

ГЛАВА 3

Снился мне какой-то треш, что ничуть не удивительно. Меня кто-то преследовал, я убегала, надрывая мышцы и задыхаясь, но едва сдвигаясь с места, как часто и бывает в кошмарах. Пряталась, затаиваясь, а неизвестный хищник, напоминающий бесформенный сгусток тьмы и ужаса, проходил в считанных сантиметрах, каким-то чудом не обнаруживая меня. Под конец по ушам стало ритмично бухать и я проснулась, осознав, что это басовито на кого-то лает Юпи.

— Юпи, хорош! — проскрипела я, хватаясь за виски. — Голова сейчас лопнет у меня.

Пес примолк, но тогда стало слышно, что с улицы меня зовут.

— Лана! Ланушка, отзовись! — узнала я голос Никитичны, одной из двух постоянно живущих в СНТ пенсионерок. — Лана, жива ты?

Вопрос, конечно, интересный и ответ на него весьма неоднозначен. Болело все, даже мышцы век, которые пришлось таки поднимать. С тяжким стоном я вылезла из-под одеяла, тут же стало холодно, аж зубы залязгали. Юпитер стоял в дверном проеме спальни и, сведя свои мохнатые брови домиком, смотрел на меня настороженно, шумно потягивая мокрым носом. Чуть не подвывая от боли повсюду, надела теплый флисовый халат, пошла из спальни, на ходу протянув руку, чтобы потрепать по башке пса, но он опять шарахнулся, хоть и пошел потом по пятам.

Спустившись по лестнице, я прохромала через гостиную и открыла входную дверь, обнаруживая за ней обеих пожилых соседок. Они ведь всегда не разлей вода, ничего удивительного.

Познакомились мы в мою первую зимовку на даче, единственном оставшемся мне жилье. Дело в том, что семья у меня творческая, а значит странненькая, мягко говоря. Папа человек добрый, но безвольный и порокам подвержен, к тому же поэт, так что пить и шляться по бабам…пардон, достигать состояния вдохновения и странствовать от одной музы к другой, ему вроде как прямо полагается, чем он успешно и занимается всю мою сознательную жизнь. Самое удивительное, что эти самые музы, готовые приютить, обогреть, накормить-напоить, а главное, благоговейно внимать таланту, находятся с завидной регулярностью до сих пор.

Мама тоже не отстает. Она художница, безмерно талантливая, а значит, само собой, непонятая и недооцененная современниками. Мамуля постоянно стремится к постижению своего внутреннего мира, тонких сфер, открытию иного видения и всему в том же духе. А для этого ей всенепременно необходимо путешествовать по разным местам силы и общаться с себе подобными, чем она так же активно занималась и поэтому видела я ее и в детстве-то нечасто, а последний раз три с лишним года назад. Как раз тогда, когда она и продала нашу квартиру, потому как ей, с ее очередным молодым спутником-духовным единомышленником, нужны были средства для паломничества с целью изучения шаманских практик по всему миру. Как-то препятствовать этому по закону я не смогла — квартиру матери подарил дед на их с отцом свадьбу, и она была ее единоличной полноправной владелицей.

Так что, пришлось спешно собирать вещи и переезжать в начале декабря на пмж на дачу за городом. Мать, кстати, убеждала меня и ее продать, чтобы освободиться от мещанской тщеты и отправиться с ними постигать духовные глубины…или высоты…не суть, но во мне столько стремления к духовности не нашлось, я предпочла низменное и приземленное существование под собственной крышей над головой. Мама и ее спутник проникновенно и почти искренне посокрушались, еще бы, дача ведь была хоть и восьмидесятых годов постройки, но тогда дедушка мой был при солидной должности и больших возможностях, так что строилось все по уму, капитально, с размахом и просторно, даже с претензией на дворянскую роскошь, плюс участок из удачных, почти двадцать соток и с выходом к берегу реки. И учитывая нынешнюю тенденцию состоятельных людей строить свои дома все дальше от общей суеты и в неизгаженных цивилизацией местах, данная моя недвижимость стабильно росла в цене.

Мамуля заявила, что бабушка совершенно не заботилась о моем духовном росте, раз приковала меня к месту, оставив дачу исключительно мне, пообещала неустанно взывать к высшим силам о моем прозрении, меня окурили какими-то травами, повыли… сорри, пропели некие молитвы, призванные защитить меня от зла и скверны, да и исчезли, прихватив все деньги от продажи квартиры и гаража до копейки. Даже вещи мне пришлось за свои перевозить и самой же помогать грузчикам таскать, пока эти двое просветленных сидели на полу на ковриках и медитировали перед отправлением в долгий путь.

На тот момент в дачном поселке из зимующих и постоянно живущих кроме меня было еще только четыре дома. На моей же улице еще один художник-отшельник, Иван Андреевич, который со мной первый год даже не здоровался непонятно из каких соображений, через улицу как раз эти две общительные и хлебосольные пенсионерки-соседки баба Нина и Никитична, а на окраине мои вчерашние спасители — многодетная семья Мишиных, содержавшая на своем участке перепелиную ферму.

— Ой, божечки! — всплеснула полными руками Никитична, — Лана! Как же угораздило то тебя, девочка!

— Ой-ей-ей! Бледная-то какая! — подхватила тему баба Нина, — В гроб краше кладут!

— Доброе утро, — буркнула я, щурясь от невозможно яркого поутру солнца, отчего голова разболелась еще сильнее, хотя куда уже. — Не преувеличивайте, я почти в полном порядке. Заходите пожалуйста.

Юпи бросился навстречу к бабулькам, виляя куцым хвостом так, что его задницу стало заносить из стороны в сторону. Не смотря на устрашающий вид, был он на редкость добродушным псом, а Никитичну и бабу Нину так и вовсе обожал, да и они никогда его без вкусняшек не оставляли, хоть я сто раз просила его не закармливать.

— Да где же оно доброе, когда такое творится! — покачала сокрушенно головой Никитична, по-хозяйски направляясь сразу на мою кухню и якобы строго грозя пальцем псу, который нахально тыкался носом в корзинку, которую она принесла. — Настюша Мишина утром прибежала за клубникой и говорит, мол, ночью страсть что творилось. Ревело страшно, крик-визг, отец ее ружье и фонарь схватил, за двор вышел, а там ты в кустах! В кровище, едва живая, шея прокушена, смотреть страшно! Это что же такое, а, Лан?

Ее слова баба Нина поддерживала все тем же “Ой-ей-ей, страх-ужас какой!” и беспрерывно качала головой, при этом сноровисто выкладывая на мой кухонный стол ранние яблоки и большущие оранжево-бордовые абрикосы. Никитична из своей корзинки извлекла сверток из пергаментной бумаги, в котором оказались пышные оладьи, один из которых тут же получил Юпи, пластиковый стаканчик с магазинной сметаной и пару литровых контейнеров — с клубникой и почти черной спелой черешней.

— Ну это только сразу было страшно, а в больнице сказали — жизни и здоровью ничего не угрожает. Кости целы, глаза-руки-ноги на месте, даже ранки от укуса совсем маленькие оказались и кровь сразу перестала. Заживет все моментально, только на уколы ездить придется.

— Как же, скажи еще, не страшно ей! — возразила мне баба Нина, набирая воду в чайник. — А то мы не понимаем, какого страху натерпелась ты, Лана! Ночь, одна на дороге, а тут бросился… А кто хоть был то, Лан? Неужто вообще не разглядела?

— Нин, отстань ты от девочки! Не видишь — на ногах еле стоит. Лана, иди умойся и завтракать. Поешь, чайку попьешь, вот тогда и расскажешь что да как.

Обе старушки, что называется, взяли надо мной шефство сразу, как переехала. Не знаю, как бы я ту первую зиму без их помощи и советов пережила. Дача, конечно была комфортной, приспособленной и для зимнего проживания, но газовые баллоны для приготовления еды сами с неба не падали и отапливать ее чем-то надо. А так, как зимовка заранее не планировалась, то запаса дров и угля, само собой, не было. Я сунулась в Вяхирево и мне там цену заломили — мама не горюй и это за поленья, которые еще надо порубить, знать как уложить на хранение.

Но мои старушки в этом были уже опытные дачные выживальщицы и свели меня с мужичком, что привез мне дрова по божеской цене и дал контакты местных шабашников, которые за малую копейку плюс бутылку с закуской и порубили, и сложили, и щепок мне на растопку гору накололи, а в качестве бонуса еще и трубы камина и котла отопительного почистили, воду в системе батарей проверили, растопили, убедившись, что все нормально, не угорю. Я их теперь постоянно нанимаю, траву косить, деревья обрезать, чинить по мелочи, короче для всей той работы, которой в частном доме всегда навалом.

К моменту, как я вернулась из ванной, где отражение в зеркале меня даже порадовало, половины моих оладий уже как не бывало, а Юпи развалился на полу, блаженно щурясь. Ладно, я как-нибудь потом повозмущаюсь на тему потакания бессовестному попрошайничеству, сейчас есть захотелось просто зверски при виде накрытого уже стола.

— Надо участкового из Вяхирево вызванивать. — постановила Никитична, пока я почти не жуя глотала оладьи, прихлебывая обжигающий чай с ароматом чабреца. — Жили столько тихо-мирно, а тут гляди-ка чего твориться начало. Ко мне скоро внуки на все лето приедут и чего теперь? Со двора их не выпусти? Их и так от гаджетов тех не отдерешь дома, так еще и у меня в четырех стенах пусть сидят?

— Да чем тут участковый поможет? — прожевав спросила я. — Если это живность какая-то, то тут наверное к егерям или местным охотником надо.

— А вот пусть этот участковый и думает к кому надо, он на то властью и поставлен, чтобы думать и реагировать на жалобы граждан. — стояла на своем пенсионерка, а пожилая подружка ей поддакивала, как всегда. — Мы что же, сами должны бегать да помощи искать? А ну как не зверь это вовсе.

— А кто? — изумилась я.

— А мало ли. Ты же его не разглядела? Нет! Вот может кто угодно быть.

— Кто например? Псих какой-нибудь рычал страшно и меня укусил? Так след-то не от человеческих зубов, могу повязку снять и показать, чтобы вы успокоились. — предложила, потому что и правда после горячего чая я вспотела и под повязкой стало ужасно чесаться.

— А ну не тронь! — прикрикнула на меня Никитична, — Занесешь еще чего в рану, не дай Бог! Я все это к тому, Лан, что нам на днях Иван Андреич, сосед-то наш, говорил, мол, на кладбище старом похоже гробокопатели объявились. Мол, гулял он там, надгробия изучал и на трех могилах землю свежую нашел. А откуда ей там взяться, если это кладбище больше двадцати лет, как закрыто, не хоронят там и не подхоранивают к родне тоже? Мы то с Ниной, грешным делом подумали, что это ему с залитых глаз чего померещилось. И то, вот скажи, чего бы нормального человека понесло по кладбищу гулять, разве в округе больше негде?

— Так он же художник. — беспечно пожала я плечами.

После моего собственного семейства такой ерундой, как прогулки по кладбищу меня не удивишь.

— Худо-о-ожник от слова худо! — фыркнула Никитична непочтительно, — Видала я его художества — мазня, прости Господи, какая-то, рожи перекошенные, страшные, тьфу! Но я к тому, что он сказал, а тут с тобой это приключилось. Надо звать участкового, пусть разбирается.

— Да где же тут связь? — еле удержалась от смеха я. — Где кладбище это старое и где дорога, по которой я шла! До него же километра два от нашего СНТ. И меня же не лопатой по голове огрели, а укусили. Что же это за гробокопатели, что зубами рвать людей кидаются? — и что там за зубы? — И вообще, зачем им ковыряться на этом старом деревенском кладбище? Сокровища искать? Так откуда у деревенских им взяться? Насколько знаю, тут люди никогда зажиточно не жили и никаких усадеб барских не было. Из-за каких-нибудь стеклянных старинных бус копеечных или монет медных лопатами махать? Ерунда какая-то.

— Ну не скажи, Лана, — возразила баба Нина, — Я вон по телевизору видала, что все старинное сейчас в большой цене. Может тем медякам по нынешним временам цена — миллион. Вот и копают.

— Сомневаюсь. — покачала я головой, подумав, что надо полазить в сети и выяснить этот вопрос. — Разве что молодняк Вяхиревский решил поиграться в готов или там сатанистов, вот и шарятся по кладбищу в поисках острых ощущений на фоне унылой деревенской пасторали.

— А хоть бы и так, Лана, но меры власть принять обязана. — рубанула по воздуху рукой Никитична, — Будем звонить, пусть едут.

— О, кстати, мне же тоже надо позвонить! — всполошилась я, вспомнив о Ирке. — Только сначала нужно сходить и в кустах сумку мою найти.

— Ой, Лан, а может ну его, пусть милиция там все приезжает и ищет! — встревожились пенсионерки. — Вдруг оно там затаилось где, да опять как кинется!

— Кто затаился? Гробокопатель с лопатой? Я вон Юпи с собой возьму, он всех и распугает.

— Насмешила! Да Юпи наш добрый же, что тот телок новорожденный.

Что правда, то правда. Этот скорее насмерть зализет, чем укусит.

— Зато выглядит грозно. — возразила я и посмотрела на развалившегося на боку пса, поглядывающего на меня одним глазом весьма неодобрительно. — Пойдем, Юпи, хорош валяться, надо оладьи отрабатывать.

ГЛАВА 4

Юпи взять его за ошейник не дал, но следом послушно пошел со двора, хоть и вздыхал и сопел крайне неодобрительно. Прогулки он конечно любил, но не тогда, когда в желудке уютно улеглись выклянченные оладьи.

— Ничего-ничего, будешь знать, как попрошайничать. — нисколько не сжалилась над ним я.

Минут через пятнадцать мы дошли до двора Мишиных на краю СНТ, никого, к счастью, не встретив. Опять пересказывать свое приключения желания у меня не было, а попадись я на глаза соседям обязательно пришлось бы, сто процентов уже все, кто сейчас на дачах, в курсе. Я морщилась — голова не сильно, но болела и глаза слезились почему-то, то и дело приходилось протирать их подолом футболки.

— Так, и где это я тут валялась? — пробормотала, выискивая взглядом поломанные кусты и свою сумку.

Внезапно позади послышался странный звук, низкий и вибрирующий и обернувшись, я поняла, что это Юпи рычит. Причем так, как я от него никогда не слышала — глухо, утробно, аж мурашки по коже.

Юпи, он же Юпитер, был алабаем и действительно завелся у меня сам, в мою первую зимовку на даче. На тот момент в дачном поселке из зимующих и постоянно живущих кроме меня было еще только четыре дома. А вот летом народу было полно, особенно в выходные, а многие семьями переселялись из городской духоты на весь сезон. Само собой, среди них хватало людей, что заводили кошек и собак на лето, а осенью выяснялось, что забирать в квартиру подросшее животное не хочется.

Те, кто по порядочнее, строили утепленные будки и договаривались с пенсионерками или со мной, скидывая деньги на еду или привозили запас, когда навещали живность сами по мере возможности. Но были и те, кто просто бросал, беззаботно уезжая до следующего лета, а то и вывозя бывших друзей в лес или на трассу, с бессовестной формулировкой “добрые люди подберут”.

Юпитер был как раз из последних. Я его, всего в репьях и жутко истощенного обнаружила однажды утром в своей открытой веранде. Накануне шел снег, но небольшой и засыпать следы от огромных лап полностью он не смог, иначе я бы не сразу его и нашла. Здоровенный серо-бурый пес умудрился забиться под лавку и свернуться там в такой компактный комок, что его впору было принять за чью-то свернутую старую шубу.

На меня он поначалу никак не реагировал, спрятал морду под лапу, глаза не открывал и только ритмичное движение бока при дыхании выдавало, что пес жив. Неделю я ему просто оставляла еду и уходила, при мне пес не ел. На вторую стал вылезать и встречать, тогда я и поняла, что никакой он не серо-бурый, а похоже белый, просто очень грязный и с невероятным количеством репьев в шерсти. Такое чувство, что он сначала в трясину по уши провалился, а потом через поле с этими цеплючими шариками прошелся. Или наоборот. Плюс голодал неизвестно сколько, потому что даже сквозь грязь и репьи на толстой шкуре торчали ребра и хребет.

В своей правоте насчет его окраса я смогла убедиться через три недели, когда пес уже начал откликаться на Юпитера, покорно позволил надеть на себя ошейник, вычесать, выдирая все репьи, затащить в дом и искупать. Само собой, в ванну он не полез, но и не кинулся меня жрать, когда я его туда запихивала, частями, сначала передние лапы, потом задние, чуть пупок не надорвав. Потому как Юпи успел за эти недели слегка отъесться и, как мне почудилось — подрасти. Не показалось. Тщательный осмотр после отмывки выявил, что псу месяцев восемь

от роду где-то, судя по зубам и сложению, а значит он вырастет еще и шерсть у него действительно светлая — светло-кремовая с одним серым пятном в основании хвоста.

Сейчас Юпитеру было три года, в холке он выше метра, ряха у него шире, чем две с половиной мои и весит почти девяносто кило, а я ужасно рада, что однажды он приблудился и его хозяева не нашлись. Жить одной на даче, особенно зимой и когда свет бывает отключают, не только тоскливо, но и страшновато. А когда в любой момент можешь обнять и потрепать по мощной холке вот такого мишку, то как-то на душе теплее и светлее. Да и вдруг совсем плохо, рядом с эдакой меховой печкой по-любому совсем насмерть не замерзнешь.

А вот сейчас этот мишка откровенно пугал меня впервые за три года.

— Юпи, ты долбанулся что ли? — спросила я его и слегка помахала ладонью. — Это же я.

Но оказалось, что смотрел Юпитер, не на меня, а куда-то мне за спину, где ничего, кроме сломанных кустов не наблюдалось. Тщательнее присмотревшись, я таки заметила темно-синее пятно в траве шагах в десяти впереди. Вот и сумка нашлась. Фигасе как от дороги то далеко меня все же кинуло. Реально на такое разве что медведь способен, но если бы на меня напал медведь, то он бы шею мне на раз перекусил, а не вот эта вот ерунда. Под повязкой опять сильно зачесалось и я, поморщившись, пошла к сумке.

А Юпи опять стал чудить. На это раз он заскулил, обогнал меня в два прыжка и уперся задницей мне в ноги, не давая пройти и глядя неотрывно в заросли и шумно принюхиваясь. Я его обошла, но пес повторил свой трюк, всего шаг удалось сделать.

— Блин, ну прекращай ты! — возмутилась я, еще раз внимательно осмотрев все вокруг, сумев разглядеть даже бурые засохшие капли на листьях и траве. — Нет там уже никого, Юпи. Сумку забрать надо! У меня там кошелек, телефон и даже паспорт!

Пес задрал морду, глянув мне в лицо с “ты совсем дура?” видом, но я упрямо покачала головой. Тогда Юпи вздохнул и вдруг с места прыгнул вперед, сцапал сумку за ремень и, не разворачиваясь, пятился, рыча опять страшно, пока подтягивал ее к моим ногам.

На это ему понадобилось всего несколько секунд, но неожиданно поймала себя на том, что как только я перестала ощущать контакт с ним, на меня как лютым холодом пахнуло. Остро захотелось развернуться и со всех ног с воплем ломануться прочь.

Поэтому я сцапала сумку одной рукой, другой Юпи за ошейник и чуть не ляпнулась лицом в землю, потому что пес взял такой старт, что мне за ним бежать пришлось. Но как только мы выскочили обратно на дорогу и промчались буквально несколько шагов, Юпи мигом успокоился, да и меня отпустило. Я пару раз оглянулась, так и не заметив в кустах ничего странного или страшного, а Юпи то и дело тыкался в сумку носом и громко чихал.

Нашарив телефон, я на ходу набрала Ирку и судя по голосу, она была навеселе, уже с утра или все еще с вечера — неизвестно.

Торопливо я ей объяснила, что для приема гостей и веселья я не форме и подруга слушала меня не перебивая.

— Ни хрена не понятно. — изрекла она, когда я закончила. — Сейчас приеду.

— Ир, не на… — но она оборвала уже связь.

ГЛАВА 5

— Это Славик. Он — врач. — обьявила с порога подруга, втащив в мою кухню незнакомца — рыжего и конопатого высокого крепкого парня. — Давай показывай!

— Ир, ну зачем? — закатила я глаза. — Здравствуйте, Слава и простите, что вас вот так выдернули.

— Вообще-то, я — стоматолог, но помочь всегда готов. — осиял меня улыбкой парень, немного покраснев ушами. — Не очень, правда, понимаю чем. Я так понял, что на вас напали, а значит это, скорее, к травматологу.

— Травматолог-стоматолог, какая разница! — небрежно махнула рукой Ирка, сшибая кружку со стола, которую я чудом успела поймать. — Клятву Ипполиту давал – лечи. Мне подруга нужна здоровая и веселая.

— Ирка, не надо меня лечить! Мне вчера уже первую помощь оказали, заживет.

— Светлана, да? — вежливо осведомился Славик. — Ну раз уж мы все равно приехали, позвольте я взгляну что там у вас, как раз и повязку проверю.

— Ладно. — смирилась я и уселась на кухонный табурет. — Смотрите.

Как только Славик начал разматывать бинт с моей шеи зуд и до того донимавший, стал просто невыносимым и я поежилась и заерзала.

— Ой, чур я не смотрю! — тут же отвернулась и глаза прикрыла ладонью Ирка. — Я с детства вида крови и болячек не выношу.

— Больно? — насторожился стоматолог.

— Нет, просто очень чешется там.

— Рановато вроде, травма то свежа… — ответил он, очень аккуратно отлепляя пластырь. — Хм…

— Что значит “хм”? Совсем ужас-ужас там? — не оборачиваясь спросила подруга.

— Да как раз наоборот. — явно озадаченно ответил Славик и я, уже не выдержав того, что так жутко чешется, потянулась к поврежденной шее рукой … и ничего там не нащупала.

— Как это наоборот? — изумилась Ирка, а я вскочила и понеслась в ванную к зеркалу.

Взглянула и у меня чуть глаза на лоб не полезли. Я, конечно, не видела вчера саму рану свою, только ощупывала сразу после нападения и когда зажимала, но там совершенно точно было нечто способное перепугать насмерть. И это совсем не пара розоватых чуть припухших точек, которые продолжали адски чесаться.

— Это что, блин, такое? — не выдержав, возопила я. — Как такое может быть?

— Ланка?! Ты в порядке? — позвала Ирка из-за двери.

— Нет. — мрачно ответила я, выходя к ним. — Мне походу не стоматолог с травматологом нужен, а психиатр. Быть такого не может, чтобы вчера вечером дыра в шее и кровищи море, а сегодня с утра просто вот это. Ведь не может? — обратилась я конкретно к Славику, как к самому тут компетентному и ткнула в свою шею.

— Так чтобы дыра, а сегодня ничего — не может. — подтвердил рыжий доктор.

— Вот! — посмотрела я уныло на подругу. — Психиатр. Блин, а если меня запрут, на кого я Юпи оставлю?

— Че несешь! Дура совсем?! — возмутилась подруга. — Кто тебя запрет и зачем?

— Ну мало ли… Вдруг я буйная стану? А что если вчера то не моя кровь была и я сама на кого-то напала?

Хотя, как же тогда соседи и поездка в больницу? Или это тоже только у меня в голове было? Ну не-е-ет! Повязка же! Не сама же я себя замотала… Или сама? Психи же очень изобретательные и последовательные бывают. А баба Нина с Никитичной, они то мне точно не привиделись. Или… Я даже головой помотала, силясь навести в ней подобие порядка и уставилась на

Юпи, развалившегося распластанным эдаким бройлером табака, на солнечной дорожке, падающей через распахнутую дверь и выставившим на всеобщее обозрение совсем не поджарый живот. То есть, как минимум соседки с сырниками точно не мой глюк.

— Светлана, не нужно себя накручивать. — между тем взялся меня увещевать Славик. — Возможно тут имел место эффект, зовущийся в просторечии — “у страха глаза велики”. На вас напали, вы очень испугались, вам почудилось, что там большая рана, а по факту была пара крошечных проколов, просто попало в какой-нибудь сосуд и натекло много крови.

Серьёзно? Глаза велики? Насколько они, блин, велики? Размером с колесо от БелАЗа, что ли?

— А соседям моим тоже почудилось? Была рана, кровь прям лилась, они были в шоке, в больницу меня в райцентр повезли зачем думаете? Или у нас массовый психоз приключился? С чего бы, если пила я одна?

— Светлана, вы поймите, в том месте находятся крупные сосуды, если бы вам реально нанесли глубокое ранение, то вас очень маловероятно довезли бы до больницы живой.

— Ладно. — поразмыслив и смирившись с тем, что ни черта не понимаю сказала я. — Была не рана, а царапины. И где они?

— Затрудняюсь ответить. — беспомощно пожал плечами Славик и покраснел еще сильнее. — Могу только констатировать то, что вижу — никакого кровотечения и воспаления, заживление в стадии ремоделирования, образования видимых рубцов не прогнозирую.

— Славик, будь человеком, нормально скажи: с Ланкой все в порядке? — потребовала Ирка.

— Да. Немного бледная и пульс частит, но это последствие стресса, а в целом…

— Ну и супер, Ланусь! — радостно закрыла тему подруга. — Значит гуляем!

— Какой гуляем, Ира? Я ни черта не понимаю, как такое возможно?

— А и не надо тебе понимать. — легко отмахнулась она.

— Ты мне не веришь? Но на меня правда напал кто-то и…

— Ланка, кончай! Ну конечно я тебе верю. Кто-то напал на тебя и напугал до полусмерти, но ты спаслась и слава Богу! А на все остальное забей. Случилось чудо и у тебя теперь второй день рождения, да еще и одновременно с моим! Ну это же супер просто! Разве нет?

Случилось чудо… Зашибись какое логичное объяснение, но точно в стиле Ирки. А почему нет-то? Четакова? С её вечным отрывом по жизни чудо — это нечто из разряда ежедневной рутины, а не событие из ряда вон.

— Супер, — согласилась я, — Что жива.

— Ну и все! — по обыкновению легкомысленно подвела черту подруга. — Так, Славик, разгружай машину и разжигай мангал. А я пока обзвоню всех и скажу, что отбой гулянки отменяется.

— Ир, я же даже не убиралась и во дворе черте что. — вздохнула я.

— Да и пофиг! Мы все что, твою хозяйственность оценивать будем? Ты сегодня вообще на правах пострадавшей будешь восседать в кресле под яблоней, а мы все будем за тобой ухаживать, вкусно кормить и много поить пивом и вином.

— Ага, еще скажи потом каждые полчаса на горшок носить на руках. — усмехнулась я, смиряясь с тем, что против стихии по имени Ира не попрешь. — И мне вообще-то пить нельзя.

— Это еще почему?

— Так от бешенства то меня вчера укололи и еще будут колоть.

— Ла-а-адно, скажу, чтобы по дороге тебе купили чего-то безалкогольного.

ГЛАВА 6

К понедельнику никаких следов на моей шее не осталось, сколько не присматривайся в зеркало. Понимания тому, что же со мной все-таки случилось, этот факт не добавил. И конечно же я сходила к Мишиным, на всякий случай замотав шею шарфом, поблагодарила еще раз за помощь. А еще расспросила о том, как они запомнили все и выходило, что ничего мне не привиделось и не померещилось и стало настолько непонятно, что только и осталось следовать совету Ирки — уверовать в чудо и забить. Может когда-то потом, много позже или вовсе не в этой жизни, истина мне и откроется, но не сейчас. Пусть будет чудо значит.

— Ланка, обедать пошли! — уперлась ладонями в мой стол Ирка и в ответ на это предложение мой желудок возмутительно громко заурчал.

— Идем. — охотно свернула я рабочие окна в компе. — Жрать хочу ужасно. Причем последние пару суток постоянно. Да и работать нормально не выходит.

Последнее было совсем непрозрачным намеком. Стараниями подруги уже весь коллектив был в курсе случившегося со мной происшествия и только совсем не любопытный еще не подошел за подробностями, а таких у нас оказалось ой как мало в коллективе. Все дружно охали и сочувствовали, но мне так и чудилось за этим “да кому ты в уши дуешь, ясно же, что хочешь начать уходить пораньше”, так что, чем дальше, тем больше я себя чувствовала дурой, которую все раскусили, но молчат из вежливости, а не реально пострадавшей.

— Это все у тебя на почве стресса, Лан. — ответила на мою жалобу подруга, намек успешно проигнорировав. — Вот если бы не эти твои уколы хоть бы напились мы и отпустило бы мигом. А так придется сексом лечиться.

Я закатила глаза, давно привыкнув и к логике подруги и к ее простоте взглядов на отношения.

— Ир, с алкоголем хотя бы ты точно знаешь какой эффект получишь при употреблении внутрь, а вот секс, тем более случайный, для женщин — та еще лотерея. — возразила я. — А мне в лотерею в принципе никогда не везло. Вот какова вероятность, что сходу попадется тебе человек, с которым стоит заморочиться на отношения?

Мой последний роман продлился три месяца и закончился в один день. Красивый, интелегентный и вроде бы совершенно адекватный офис-менеджер Валера в одно субботнее утро внезапно обратился в психа и истеричку, обнаружив что за ночь Юпи изжевал его правый туфель от Валентино, чего, надо сказать, за псом с момента его появления ни разу не водилось. До этого он никаких туфель не жевал, ни брендовых, ни обычного китайского ширпотреба, и Валера у меня бывал почти каждые выходные, так что бог его знает, что Юпитера сподвигло на этот поступок. Но благодаря ему я узнала, что бедного Валеру достало поддерживать наш формат отношений — свиданий по выходным и выкатывать недешевый бензин в мое СНТ, плюс еще и приезжать не с пустыми руками. Ему нужна нормальная современная девушка, чтобы с ней квартиру в городе снимать и продукты покупать вскладчину, чтобы при ее наличии не приходилось больше тратиться на приходящую уборщицу, питаться дорогой готовой едой и за вещами ухаживать самому. А псину давно следует пристроить в добрые руки или вовсе усыпить, чтобы жить не мешал, а то эта белая шерсть на одежде и запах его достали. Мы с Юпи переглянулись, я уточнила сколько же должна ему за туфли, скинула нужную сумму на карту и предложила Валерию отправляться самому искать себе добрые ручки и супер современную девушку, горящую желанием жить с пополамщиком, всячески облегчая ему быт.

— Пфф! Это только в том случае, если ты ищешь отношений, а это не наша цель в данный момент. Тебе нужно всего лишь следовать рекомендациям и отзывам уже употреблявших.

— Это ты к чему? — ого, что-то новенькое даже для Ирки.

— Славика помнишь? На пять звезд, как по мне, не потянет, но твердая четверка.

— В каком смысле?

— В том самом, Лан. Не скорострел, размер достойный, руки из правильного места, куни в основной программе у парня, причем без этого гандонского — я тебе, только если ты мне.

— Ну-у-у нет! — сразу отперлась я, потому что мое слишком богатое воображение мигом подсунуло мне картинку, как Славик тянется целовать меня губами, которые побывали… хм…

Нет, я не прямо пипец какая брезгливая, не считаю оральные ласки чем-то стремным ни в коем разе и люблю свою подругу, но такое перебор. Я понимаю — пить из одного стакана и даже есть с одной ложки, но спать с парнем по отзыву уже обкатавшей его подруги… Нет, я еще до такого уровня циничности или практичности не дошла, потому как тогда выражение “я люблю свою подругу” приобретает некий извращенный смысл по-моему.

— Почему? — абсолютно искренне удивилась Ирка. — Он на тебя запал, спрашивал у меня позавчера как раз.

Где? В постели?

— Мне не нравятся рыжие и у него руки какие-то потные. — соврала я, ну не объяснять же.

— Ладно, не хочешь Славика, значит сегодня после работы заскочим в “Белую ворону” я тебе там такой вариант покажу — тигра натурального. Там такое тело и темперамент, Ланка! Ты утром имя свое не вспомнишь, не то, что в каком месте у тебя там был твой стресс!

— Ир, да не хочу я! Не умею я так. Да и кто сказал, что я сама во вкусе это твоего тигра.

— Да я тебя умоляю! Кошак похотливый он кошак почти всеядный и есть. А ты у нас красота неземная, все при тебе, да еще свеженькая. Он увидит тебя и слюной захлебнется, гарантирую! И никаких отказов я не приму!

— Ладно. — согласилась я, зная, что спорить без толку. Ирка же по натуре — локомотив и таранное орудие в одном лице.

Схожу с ней, потусим немного, потом, когда Ирке станет не до меня с ее тиграми и прочим зоопарком, тихонько отчалю. На электричку не успею, само собой, но могу себе позволить разок и на такси прокатиться. Тем более, что как подумаю о повторении того моего пути со станции, то что-то мурашки по телу. Думаю, какое-то время буду действительно с работы линять чуть раньше, чтобы успевать на шестичасовую электричку и идти к СНТ еще по светлому, а не как в тот раз.

— Пиджак долой! Верхние пуговицы на блузке расстегни! — командовала подруга в туалете офиса, куда мы заглянули освежиться перед выходом. — Тушь держи! Помаду эту мою возьми, а то твоя слишком бледная для вечера. Волосы тоже распусти! Во, говорю же у Маратика никаких шансов! Пэрсик сладкий! Нэктарин даже!

Ирка сжала пальцы в щепоть и звонко чмокнула, изображая широко известный одобрительный жест. Мне было смешно от ее ужимок и уже одно это поднимало настроение. К тому же, я правда давненько не выходила никуда чисто повеселиться и потанцевать, так что внутри стало расти предвкушение… и аппетит.

— Блин, я опять есть хочу. — потерла я забурчавший живот. — Там что-нибудь перехватить можно будет?

— Вот! Говорю же, Лан — стресс. Ну куда столько в нормального человека лезет то? Но ничего, вылечим!

Охранник на входе встретил Ирку широкой улыбкой и охотно распахнул дверь. Стоило только нырнуть в пространство грохочущей музыки, кальянного и сигаретного дыма, алкогольных паров, дикой смеси разных парфюмов и запаха потных движущихся тел, как степень моего предвкушения и голода резко подскочила. Ирка волокла меня за собой и только поэтому я еще шла, а не согнулась, как от пинка в живот.

Внезапно какой-то нетрезвый тип буквально врезался в меня, вклиниваясь между нами и вынуждая разорвать контакт с подругой. Он мгновенно заграбастал меня своими лапами,

опутывая, как чертов спрут, прижал к себе, буквально уткнув лицом в свою шею и нагло стиснув ягодицу. Он пах перегаром, табачищем, кислым потом и … Бум! …жаром? Жаром, что был под его кожей, грохотал в его венах громче музыки, бился и просился наружу, искрился всеми оттенками красного и багрового, требовал его испробовать на вкус, обещая соль, медь, восхитительную сладость, которую можно глотать жадно, ни о ком и ни о чем не сожалея и насыщаться-насыщаться… Буквально умолял меня об этом, сворачивая нутро в лютой нужде, оглушая, убивая все запахи, звуки, вообще все вокруг аннигилируя, кроме дикого моего голода и жажды. И я потянулась навстречу, откуда-то точно зная, что нужно сделать, чтобы…

— Эй, а ну культяпки свои убрал, урод! — Ирка рванула меня за руку, выдергивая и из лап нахала и из накрывшего наваждения, приводя в такую ярость, что я чуть не кинулась на нее. — Ланка, ты чего? Он же пьянь какая-то отстойная. Пойдем дальше! Лан! Руку не жми так, больно!

Я посмотрела на наши руки, разжала свои пальцы, одновременно ощущая и как бешеный голод разжимает свои клыки, стиснувшие мой разум, оставляя только глухую боль пустоты внутри. Огляделась вокруг, снова начиная слышать бухающую по ушам музыку, а не оглушительную умоляющую песню чужой … крови? Я слышала кровь? Серьезно? И чуяла что? Жар жизни другого человека, который практически свел меня с ума? Я ведь его почти укусила? Да что происходит?

— Лан, ты чего зависла?! — снова дернула меня за руку подруга, в то время как я шокированно шарила во рту языком, пытаясь нащупать то, что совершенно точно ощущала только что — клыки.

Сейчас же ничего такого во рту не было, зубы как зубы, только соленый привкус и какой-то странный зуд в верхней челюсти, как будто какая-то вибрация что ли, откликающаяся внутри чем-то… новым предвкушением? Да что за черт?

— Лан!

— Ир, мне в туалет надо. — сказала и оглянулась, вспоминая где он в “Белой вороне”, прекрасно осознавая, что мне походу не в туалет надо, а Скорую из психдиспансера вызывать.

— Блин, там же наверняка очередь — пипец. — скривилась подруга. — Прям срочно тебе? Вон уже я вижу Марата у бара. Может пойдем поболтаем, а минут через десять уже в сортир отбежим?

— Ты иди к нему, а я смотаюсь и к вам подтянусь, ладно? — решительно отцепила я ее руку.

— Только не вздумай потеряться!

Кивнув, а скорее уж отмахнувшись, я стала пробираться в толпе, максимально избегая к кому-то прикасаться, а то мало ли что. Но клуб есть клуб и все равно то и дело кто-то заступал дорогу, на кого-то натыкалась, одновременно и стремясь побыстрее дистанцироваться и будто притягиваясь при каждом этом случайном контакте, непроизвольно хватая воздух, внюхиваясь в запахи, чувствуя нарастание голода и того странного зуда во рту.

Наконец почти свернула в коридор к туалетам, но тут мне путь преградил какой-то здоровяк в черном. Я шагнула вправо, пытаясь обойти, он отзеркалил. Тогда я рванула влево, но он поразительно быстро повторил мой маневр, да еще и подался навстречу, так что я неизбежно врезалась в него.

— Отвали! — зашипела я каким-то не своим голосом, вскидывая голову.

Точнее попыталась, потому что меня опять накрыло, но в этот раз гораздо мощнее, неумолимее. Перед глазами все расплылось и побагровело, потянуло лицом как в черную дыру непреодолимой гравитацией туда где ближе, громче, ярче бился жар чужой жизни и гремела песня чужой крови.

— Хочешь? — прозвучало в накрывшей разум пелене. — Сильно хочешь?

Я, кажется, закивала, а может и нет, потому что желанный жар, вкус, аромат были уже так близко, что разум отказал окончательно, убив все, превратив меня в чистую жажду и голод.

Внезапно волосы на моем затылке грубо сгребли и дернули, запрокидывая голову и фиксируя, причинив сильную боль. Зашипев, я взмахнула руками, метясь ногтями в лицо нападавшему, но тут и обе конечности оказались пойманы и стиснуты с такой силой, будто их обвили арматурным прутом.

— Попалась, пиявка! — самодовольно ухмыльнулся мне в лицо тот самый здоровяк, который и ухватил меня за волосы и даже тряхнул, добавляя боли. — Попытка нападения с целью кормления без добровольного согласия, да еще в общественном месте при огромном скоплении свидетелей. Ты влипла жестко, кровохлебка. Чья будешь?

— Какого хрена! — завизжала я от боли гнева, но сильнее всего от разочарования и нового жестокого удара голода. — А ну отпустил меня, сволочь!

— Я сказал — имя клана, сучка!

ГЛАВА 7

— Какого, к черту, клана?! — забилась я отчаянно в чужом захвате, но это нисколько не помогало.

Схвативший меня тип бесцеремонно поволок за собой, свернув в коридоре в противоположную сторону от туалетов. Упираться в пол оказалось бесполезно — я только потеряла сначала один туфель, а через пару вынужденных шагов и второй. Дверь открылась от толчка плечом тащившего меня жлоба и сразу захлопнулась за нами, отчего музыка и гул голосов резко стали потише.

— Ну так-то лучше, а то за этим грохотом хрен что услышишь. — заявил мой захватчик хрипловатым баритоном и снова тряхнул. — Повторюсь: живо назвала мне имя клана, которому я должен за тебя предъявить!

Затащил он меня в какую-то, похоже, подсобку. Из освещения тут горела только тусклая надпись на дверью, а перед моими глазами все еще колыхалась багровая пелена, в которой лицо у моего захватчика чудилось какой-то демонической оскаленной рожей. Только глаза отсверкивали золотистыми бликами, типа как у кошек и собак в темноте, но это только усиливало пугающее впечатление.

— Отпусти волосы, больно! — я лягнула его по голени и тут же взвыла — босой ступне стало дико больно, а мерзавец вряд ли что-то заметил.

— Потерпишь, мне покоцанным ходить твоими распрекрасными клыками не особо улыбается. Чешется потом страшно часа два, пока заживает.

— Помогите! — завопила я тогда, начав таращиться по сторонам, насколько позволял грубый захват на волосах. Никого и ничего, способного внушить надежду, не высматривалось, одни стеллажи с какими-то коробками и ящиками.— Эй! Кто-нибудь! Спасите! На меня напал псих!

— Да уж не психованей тебя, пиявка. И не напал, а произвел задержание при попытке незаконно покормиться без предварительного согласия донора. А за это сама знаешь что грозит.

— Что? И ничего я не …

— Хорош придуриваться и время тянуть, это бесполезно. Попалась, так уже смирись. Сэкономь нам обоим время и назови имя своего клана кровохлебов, потому что сама же в курсе, я все равно узнаю, но с оглаской и твоим отказом сотрудничать дороже твоим Верхним обойдется, а за это они тебя вряд ли похвалят. Запрут на пару недель, а то и месяц в подвале без всякой кормежки, а ты вон и так голодом фонишь на весь сраный клуб. Как бы не загнуться или не рехнуться, детка.

— А я сказала: отпусти меня немедленно, долбанутый! Я вообще без понятия, что ты несешь про эти кормления, кланы и чертовы подвалы! Права не имеешь меня хватать и тащить куда-то, это, блин, похищение, уголовная статья, между прочим!

— Я — охотник, дура, так что права все как раз имею, в отличии от тебя. Что, захотелось узнать, каково оно — хлебнуть натур продукта прямо из источника? Сосать из пакетиков надоело, привкус пластика раздражает?

— Что ты несешь, чокнутый?

— Сколько раз уже охотилась? Покойники на тебе есть?

Покойники? Ой, это уже совсем как-то нехорошо.

— Да вы совсем, что ли? — перешла на “вы” я от шока. — Я в жизни не охотилась и какие еще покойники? Я с подругой в клуб развлечься пришла. И кстати, она наверняка меня уже ищет и скоро найдет и тогда вам не позавидуешь. Она вам глаза выцарапает и в глотку затолкает!

— Ага, мы с Тамарой ходим парой?

— С какой еще Тамарой?

— В паре охотитесь, значит, сучки.

— Вы реально больной! Помогите!!!

— Да не ори, никто тебе уже не поможет. Колись лучше. Все же понимаю, оголодала, с кем не бывает.

— Да ничего я…

— Что, не голодная? Не гони, я это через всю толпу почуял.

— Дурдом на выезде. Если человек пришел в клуб голодным, то его нужно хватать и тащить куда-то и угрожать?

— Ага, человек. То-то ты мне вену чуть при всем честном народе не отворила и столько морока напустила, что еле остановить успел.

— Да ты сам ко мне полез!

— Само собой, так это и работает. Ты ж с голодухи так манить стала, что удивительно, что к тебе все мужики в клубе не ломанулись. Признавайся лучше, вы с подружкой в приближенных у кого-то из своих Верхних и вас живцом полакомиться отпустили за то, что ублажали хорошо? Мирчины, небось, он всегда по двое девок в постель тащит, по-другому не встает у старого импотента. Как раз свеженьких любит, жук, от тебя же еще человечиной реально разит и тепленькая. Колись, не бзди, у Мирчи денег валом, штраф за вас ему уплатить — раз плюнуть, особенно если вы никого до смерти выпить не успели.

— Да что за ересь ты несешь?! За кого бы ты меня там не принимал, ты ошибаешься! Я не понимаю ни-че-го!

— Ясно, по хорошему мы не хотим. — пожал захватчик плечами. — Ладно, сама напросилась.

Он наконец отпустил мои волосы и руки, но не успела и толком вздохнуть облегченно, как в шею ткнулось нечто острое, раздался треск, полыхнула боль во всем теле, а дальше все померкло.

ГЛАВА 8

— Нет, не нашел я больше никого. Или эта дура соврала, надеясь меня напугать, или ее подружка просекла, что жареным запахло и слиняла по-тихому. — вернул меня в сознание смутно знакомый хрипловатый голос, и я глухо застонала от боли во всех мышцах. — Смысла дальше торчать не вижу, поеду на базу.

Открыла глаза, хотя даже мышцы век болели, и увидела над собой внутреннюю обивку автомобильного салона, на его крыше, очевидно. Выходит, я лежала на спине на заднем сидении машины незнакомца, который намерен увезти меня неизвестно куда.

Резко села, снова застонав. И поняла, что стон таким глухим выходит из-за некоего предмета, находящегося у меня во рту. Потянулась вытащить, но тут звякнуло, и я обнаружила на своих запястьях и лодыжках блестящие браслеты, связанные между собой тонкими цепями так хитро, что сесть-то я могла, а вот дотянуться до лица — нет, потому что при каждой попытке петля из той же цепи натягивалась на моей шее и выходило самоудушение. Я задергалась и возмущенно замычала, сверля взглядом затылок моего захватчика, а он притормозил у обочины и обернулся.

— Значит так: хочешь и дальше ехать с комфортом на сидении — молчишь, не рыпаешься и не брыкаешься. Если нет — я тебя опять вырублю и закину в багажник, как мешок с картошкой. Мы друг друга поняли?

Тон его не был злобным или угрожающим, скорее уж равнодушным, так, словно похищать кого-то для него было обыденностью. Это страшно пугало и бесило одновременно, но ясно же, что прямо сейчас я никак повлиять на ситуацию и помочь себе не могла, а навредить, начав буянить — запросто. Так что только и осталось, что кивнуть и сесть поудобнее.

— Ну и прекрасно, люблю когда до баб быстро доходит. — кивнул похититель и авто снова плавно тронулось.

Минут пять я таращилась в окно, пытаясь понять где и в каком направлении мы едем, но тут меня настигло осознание. Он и не подумал завязать мне глаза и не засунул сразу в багажник, значит ему наплевать, что я узнаю куда меня везет. В детективах это всегда значило только одно — живой жертву оттуда выпускать не планируют. Вот теперь мне стало по-настоящему страшно, так, что слезы хлынули сами собой, а нос моментально заложило, дышать с чертовым кляпом стало категорически нечем.

По выходным я иногда устраивала себе долгие вечерние просмотры разных документалок о расследованиях давних преступлений, особенно с поиском улик с помощью новых технологий, нравилось мне такое. А сейчас внезапно вспомнились обстоятельства одного такого дела. Там жертва ограбления погибла от удушья, потому что преступники связали его скотчем и им же заклеили рот, а у него случился от их побоев отек в носу.

Я рвано засипела, впадая в черную панику и хватая крохи воздуха через преграду, задергалась непроизвольно, звеня цепями и придушивая себя же дополнительно.

— А я думал ты не совсем тупая и мы договорились. — не оборачиваясь проворчал похититель, резко затормозил и выскочил из салона, распахнул заднюю дверь, склонился надо мной и тут же выругался. — Да твою же мать! Какого хрена, а?

Кляп изо рта исчез, я взахлеб стала хватать воздух, перемежая вдохи с рыданиями, совладать с которыми никак не выходило.

— Кончай эту сырость разводить! — рявкнул захватчик. — Ты знала сразу все риски. Сама выбрала стать кровохлебкой, нечего теперь на жалость давить.

— Да.. ик… ни…ик… ничего… ик… я не выбирала-а-а! — пробиваясь сквозь истерическую икоту, провыла я.

— Ой, вот не гони мне!

— Й-а-а-а … не… ик … вру-у-у!

— Хочешь сказать, что тебя без добровольного согласия и предварительного послушничества обратили? — понятия не имею о чем он, но раз ничего такого со мной точно не было, я часто закивала, отчего цепь опять зазвенела и впивалась в кожу на шее. — Не гони мне, сказал! Вампы таким уже лет пятьдесят точно не занимаются. На кой им, если дураков всяких по доброй воле готовых под них лезть хоть задницей ешь?

— Йа ... я… не… понимаю …Вот… ик… к … клянусь вам … ик… не понимаю… ик … о чем речь. Вообще-вообще!

— Достала! — раздраженно рыкнул мужик и выпрямился, как я решила для того, чтобы все же зашвырнуть меня в багажник.

Но вместо этого он взял с переднего пассажирского бутылку минералки, с хрустом свернул крышку и ткнул горлышком мне в губы, вынудив глотать и щедро при этом обливая. После десятка глотков вода пошла-таки не в то горло и я, насколько позволяла цепь, согнулась в кашле. Зато истерику как рукой сняло.

— Вы везете меня убивать? — впрямую спросила я сипло и гундосо и из носа позорно потекло

— Да на кой мне это? — как-будто совершенно искренне удивился похититель. — Я охотник, а не ликвидатор.

Он сунул руку в карман позади своего сиденья, вытащил пачку салфеток, извлек одну и взялся рукой с ней за мой нос.

— Ну! — повелительно чуть сжал он мои ноздри, точно так, как помогают сморкаться малым детям.

И я высморкалась, ощущая себя в каком-то диком сюрре. Он отшвырнул салфетку, но неожиданно поднес к моему рту свою вторую руку, практически ткнув в губы внутренней стороной запястья.

— Хочешь? — глухо спросил он так же, как до этого в клубе и на мгновение у меня мелькнуло в разуме, что так может спросить только тот, кто сам люто желает… Чего?

Отогнанные прочь испугом и истерикой голод с жаждой нахлынули убийственной лавиной, жестоко скрутив нутро, ослепив той самой багровой пеленой, заполонив сознание до краев ревущей песней чужой крови и жара, что умоляли ими упиться. И тут же невыносимо желанный и близкий источник этого исчез, недосягаемо удалился, сбросив меня в бездну ярости и отчаянья. Не знаю сколько времени спустя морок все же рассеялся, но я очнулась все еще трясущаяся всем телом и клыки не слишком спешили втянуться обратно, а из горла рвался совершенно нечеловеческий рык.

— Еще пояснения нужны? — спросил захватчик.

Я в полном шоке вытаращилась снизу вверх на него, бездумно щупая языком во рту.

— Я ничего не понимаю. — честно и беспомощно призналась, не отводя взгляда, хотя видеть его глаз в темноте не могла, только отблеск. — Что со мной, объясните пожалуйста. Я больна? Или… превратилась в монстра? Но этого не может быть! Не бывает так! Это антинаучно!

Мужчина шумно выдохнул, как будто я его достала, выпрямился, захлопнул заднюю дверь и уселся за руль.

— Поехали. Время — деньги. — постановил он, снова заводя двигатель и трогаясь. — Давай рассказывай мне все по порядку.

— Что рассказывать? — не сразу сообразила я.

— Как докатилась до жизни такой, что помираешь от желания чужой кровушки хлебнуть.

— Я же говорю — не знаю. Это просто началось. Все время хочется есть, а потом вот такое в клубе… Может у меня бешенство в какой-то быстроразвивающейся форме?

— С чего бы?

— С того, что в прошлую пятницу на меня напал и укусил… кто-то. Может вакцина в больнице была просроченная?

— Кто тебя укусил?

— Не знаю. Я не увидела. Сзади напали и темно уже было.

— Что, напал неизвестно кто и кровь свою пить заставил? — с явной насмешкой спросил похититель. — Горазда ты врать.

— Кровь пить? Нет, фу, еще чего! — возмутилась я и вдруг все отчетливо вспомнила. — То есть…

— Что?

— Я… отбивалась и кажется ранила… это. И что-то мерзкое такое в рот мне попало. Но не может же быть…

— Может. — веско оборвал меня мужчина.

— Погодите! Нет! Не-е-ет! Нет-нет-нет, я не… я не могу…

— Можешь — не можешь, но смирись. Ты теперь кровохлебка-вампирша. Обратно не откатишь. А теперь вспоминай, как выглядел нападавший.

— Да не видела я его, говорю же!

— Видела, не помнишь просто. Рассказывай подробно все, что было в тот день и вечер.

И я рассказала.

ГЛАВА 9

Мой похититель ни разу не перебил меня, не задавал наводящих и уточняющих вопросов, только многозначительно хмыкнул в моменте описания странного типа из тамбура. А вот когда я упомянула, что отбилась, кажется, при помощи одноразовых деревянных палочек для суши, он ударил по тормозам и развернулся ко мне.

— Ты меня за идиота держишь? — грозно зарычал мужчина.

— Нет. — опешила я.

— Гребаные палочки для суши?

— Почему сразу гребаные? Нормальные.

— В смысле не из серебра или мореного дуба?

— Понятия не имею из какого они там были дерева, но точно не из серебра. — недоумевая ответила ему. — Обычные, одноразовые, которые с роллами доставляют.

— И зачем же, позволь спросить, молодая женщина может постоянно таскать в своей сумке эти самые нормальные палочки? В ожидании нападения вампа? — насмешливо спросил он, снова трогаясь.

— Вообще-то, я их не таскала постоянно, а несла домой, полезная штука опоры для растений комнатных делать. Я же рассказывала — моя подруга накрыла нам поляну в офисе в честь своего дня рождения, а я и Наталья Ивановна не умеем этими самыми палочками пользоваться. Ну не получается. Вот я и забрала неиспользованные.

— То есть, подцепить кусок риса с рыбой у тебя не получается, а лихо ткнуть в вампа — запросто. — с явным скепсисом прокомментировал он.

— Да не было никакой лихости. Случайно все, — почти возмутилась я и тут же припомнила как это в детективах называлось. — В состоянии аффекта. И, так-то, в сумках нормальных женщин еще и не такое найти можно. Жаль, что не всегда именно тогда, когда тебе это нужно. Я вот, например, в тот момент баллончик газовый искала.

— До жопы дверца был бы твой баллончик. — огрызнулся похититель. — Ладно, ты отбилась, что дальше? Тебя ничего не смутило, не насторожило?

— Если вы о том, что на утро у меня раны зажили, то да, смутило еще как. Я подумала, что умом тронулась. Славик, стоматолог которого утром Ирка привезла, сказал, что мне серьезность травм со страху примерещилась, но куда делись хотя бы царапины объяснить не смог. А Ирка постановила, что это просто чудо.

— Ага, просто чудо. — хохотнул похититель. — Отличное объяснение.

— А какое оно еще могло быть, извините? Я — реалистка по жизни и ни в какую мистическую фигню не верю, с таким к маме моей. Или что, мне надо было бежать к первому попавшемуся экстрасенсу с вопросом не превращаюсь ли я в кого-то, потому что мой пес от меня стал шарахаться, раны моментально зажили и есть постоянно зверски хочется?

— Ну нет, конечно, ты в клубешник побежала, чтобы схарчить какого-нибудь бедолагу. — ехидно возразил он.

— Да вовсе все не так! В клуб мы пришли за сексом…

— Кровохлебка, да еще и нимфоманка? — он зыркнул через плечо и фыркнул и я осознала, как это прозвучало.

— Да сам ты… — задохнулась я от смущения и возмущения. — Это Ирка решила, что мой жор — признак стресса, а так как я колюсь вакциной от бешенства и мне пить нельзя, она предложила снять стресс … по-другому.

— А у тебя свои мозги есть или ты привыкла только подружкиными пользоваться?

— Своих у меня достаточно! — и снова он скептически хмыкнул, вызывая острое желание треснуть его по патлатому затылку. — Просто Ирка — это натуральный локомотив, спорить себе дороже. Я собиралась немного составить ей компанию и тихонько свалить попозже.

— Чтобы в укромном уголке употребить кого-то во всех смыслах?

— Чтобы домой уехать на такси, понятно?!

— Понятно. Приехали.

Я глянула в окно и поняла — так увлеклась собственным рассказом, что совершенно перестала следить за дорогой. Последнее, что еще запомнила — промелькнувший в окне памятник летчикам-истребителям. Сейчас же прямо перед капотом авто, фары которого были погашены, поднимались массивные ворота, вмурованные в каменную стену, какого-то здания. Где это у нас в городе такие заборы? Что-то не припоминаю, а за это время покинуть его мы никак не успели бы.

Как только ворота поднялись достаточно, мы, все так же без света, въехали внутрь и мой захватчик заглушил двигатель, погрузив нас в полную темноту. Но мои глаза буквально за секунду приспособились и я начала различать и все очертания в салоне и даже то, что рядом стоят еще несколько авто, а в десятке метров впереди расположен арочный высокий проход, перекрытый решеткой.

— А где мы? — мигом снова оробев, спросила я.

— Если не будешь дурить, то я позволю тебе идти самой. — проигнорировав мой вопрос, сказал мужчина, покидая салон и распахнув мою дверь. — Имей в виду — с базы сбежать невозможно.

Ладно-понятно, это и есть какая-то загадочная база.

— Дурить не буду. — смысл то какой? — А как мне к вам обращаться?

— Никак. — отрезал он, но щелкнул цепью, отсоединяя ее от браслетов на ногах и одновременно убрав давление на моем горле, отчего я испытала к нему нечто похожее на благодарность. — Идем.

Горло-то он освободил, но руки остались скованы и конец цепи был у него и он повел за нее меня, как псину на поводке, отчего благодарность мигом испарилась.

— Вы считаете нормально вот так с людьми обращаться?

— Мы уже вроде выяснили, что ты больше не человек.

Точно. До меня все как-то не дойдет это. Ну как заставить себя поверить в то, что ты теперь — чудовище из ужастиков? Дракула в юбке. Вместо того, чтобы моему разуму наполниться ужасом от этого осознания, в ушах почему-то навязчиво зазвучало “Love Song for a vampire” от “Юритмикс”. Говорю же — к психиатру, однозначно. А они есть для вампиров?

— Все равно. Это не по людски. — упрямо забубнила я. — Я же никому ничего плохого не сделала, ни в чем не виновата и не сама такое выбрала.

Зазвенели ключи, которыми он отпер дверь в решетке и мы вошли в темный коридор с низковатым, едва не задевающим его макушку сводчатым каменным потолком. А он реально высокий, как-то до сих пор было не до того, чтобы рассмотреть.

— Ну и прекрасно, что мы не люди. А твою невиновность еще проверять надо. На слово тут никому не верят, детка.

— Я вам не детка! — огрызнулась я.

— А это как посмотреть. — фыркнул он крайне раздражающе.

— И что значит не люди? Вы тоже … вампир?

— Еще чего! — произнесено это было с откровенной брезгливостью.

— А кто тогда?

— Отстань.

Бесконечный коридор закончился глухой железной дверью, а когда мой захватчик распахнул ее, по глазам резанул яркий свет. Я пару шагов сделала вслепую, в нос ударил резкий

запах. Примерно так несло в больнице, когда уборщица мыла полы. Пока я моргала и глаза привыкали, похититель дернул за цепь, направив куда-то влево, запах дезинфекции усилился и я обнаружила себя небольшой комнатке от потолка до пола облицованной гладкой коричневатой плиткой. В дальнюю стену было вмуровано кольцо, в которое, не успела я и моргнуть, мужчина пропустил конец моей цепи, раздался щелчок и вот он уже направился к выходу из этой пугающей конуры, оставляя меня пристегнутой и ошарашенной таким поворотом.

— Эй! Как вас там?! Это что такое вообще? — затрясла я скованными руками.

— Я доставил тебя на базу. Дальше ты — не моя забота. — небрежно бросил мерзавец через плечо. — Дергаться бесполезно, только себе навредишь.

— Сволочь! Да как так можно вообще! Я же все честно рассказала!

— А я все внимательно выслушал. Спасибо, было занимательно, хоть и неправдоподобно местами.

— Ах занимательно тебе было?! — мгновенно рассвирепела я. — Да чтобы у тебя месяц поноса и три года импотенции от этой занимательности приключились.

— Ого, это ты прямо круто размахнулась, детка! — хохотнул он, даже остановившись и развернувшись. — Как же хорошо, что ты не ведьма урожденная и проклинать по-настоящему не можешь.

— Зато я женщина, которую ты обидел, а значит проклятие еще какое рабочее! — мстительно прорычала, прищуриваясь, как понадеялась очень устрашающе. Зря.

— Если бы так было, то по миру бы и ходили одни унылые обосранные импотенты. — еще больше развеселился мой захватчик.

— Ну еще бы, ведь все мужики — мерзавцы и козлы.

— Эй, что я тебе такого уж мерзкого сделал? Моя работа — ловить таких, как ты. Тех, кто уже нарушил или собирается нарушить условия Договора.

— Какого, блин, договора?

— О мирном сосуществовании всех Скрытых народов с людьми.

— Чего?! Да я о таком ни ухом, ни рылом.

— Ну, знаешь ли, даже у людей прописано, что незнание закона не освобождает от ответственности. — пожал он равнодушно плечами и опять направился на выход.

— А ответственность для того, кто меня в это втянул полагается?

— Само собой, но, повторюсь — это уже не моя забота. Дальше тобой займется дознаватель, а потом что с тобой делать и кто самый во всем виноватый решит Совет Скрытых. Если, конечно, тебя не ликвидируют до него, выяснив, что ты кого-то все же убила.

— Ну офигеть, как здорово! Никого я не убивала и ты все равно сволочь и мерзавец! Хоть бы поесть и попить дал! — но он уже скрылся и я тут же растеряла свой праведный гневный пыл. — Э-э-эй! Пожалуйста! Прошу прощения за обзывательства! У меня дома пес один в вольере заперт! Э-э-эй! Ладно, не надо меня кормить, но пусть кто-нибудь съездит и покормит и попоит его! Он добрый и уж точно никому ничего плохого не сделал! Пожалуйста-а-а!

Но все мои вопли оставались без ответа.

ГЛАВА 10

Я внимательно осмотрелась, но ничего нового не увидела — неприглядного вида стены, никакой мебели, вообще ничего, кроме того кольца, к которому была прикована. Ни раковины, ни удобств, даже в виде дыры в полу. Они тут людей пытают, заставляя терпеть, а потом ломают, используя стыд как инструмент? Стоило только подумать в эту сторону и мое слишком, мать его, богатое воображение начало мне подсовывать картинки одну страшнее и унизительнее другой. А все потому, что в свободными вечерами надо было дорамы какие-нибудь с романтическими комедиями смотреть, Света, а не документалки про криминал.

Но совсем уж самозапугаться не вышло, послышалось лязганье, голоса и звук шагов. В дверном проеме показались две фигуры — мужчина в сером свободном балахоне до пола и рыжая девушка, в длинном облегающем платье того же серого цвета, что и одеяние ее спутника. Миловидная, даже я бы сказала красивая, невысокая, с тонкой талией, но с какими-то очень мягкими изгибами всего тела, совершенно без модной сейчас рафинированной худобы и подтянутости, с чуть смугловатой кожей, слегка вздернутым носиком, округлым кукольным личиком и большими зелеными глазами, что вместе почему-то заставляло подумать о кошках.

О мужчине же сложно что-либо было сказать, кроме того, что он был высокий, на ширину плеч не жаловался, но похоже телосложением атлета похвастаться не мог — балахон висел на нем мешком, создавая много складок. Не старый, по лицу вроде как и тридцати не дашь, но длинные, ниже плеч волосы густо посыпаны сединой, будто нарочно кто пеплом припорошил. И черты лица вроде правильные, но кожа как будто с легким оттенком нездоровой землистости, да и в принципе на него смотреть категорически не хотелось, причем чем дальше, тем сильнее.

— Доброго времени суток, — поздоровался он, и от его голоса — низкого, глубокого, у меня в голове как-будто родился резонанс, проносясь по разуму, как эхо по пустой пещере и порождая внутри волну совершенно необъяснимой жути.

— Что по вашему в нем доброго? — между тем смогла возразить я и тряхнула скованными руками, заставив цепь побренчать. — Меня хватает какой-то сволочной псих, фигачит электрошокером, заковывает, как галерного раба, привозит не пойми куда и бросает в камеру, где даже клочка соломы, не говоря уже о стуле или лежанке, нет. Знаете, у моего пса в вольере просто номер люкс, по сравнению с вашими тюремными застенками.

— Не преувеличивайте, это не застенки, а всего лишь камера для очень краткого временного содержания и ждать вам пришлось едва ли пятнадцать минут. — ответила за мужика девушка и ее голос был полной противоположностью — мягкий, как она сама, журчащий, умиротворяющий.

Но я умиротворяться не желала категорически.

— Учитывая, что со мной подобного до сих пор не случалось и я все еще понятия не имею, что происходит, мне показалось — целую вечность. — упрямо возразила ей.

— И все же, позвольте представиться — я Петр, дознаватель по вашему делу. — снова заговорил незнакомец и я даже вздрогнула, ощутив новый прилив иррационального какого-то страха. Он будто проникал в меня с каждым его словом и расползался по венам, вынуждая невольно сжиматься и цепенеть, особенно после отвлечения на голос-журчание его спутницы.

Это что, типа местный аналог доброго и злого полицейского?

— Петр? И все? А фамилия-отчество у вас есть?

— У моего народа нет такого понятия отчество, как и фамилии, их заменяют название места рождения, но сообщать его, как и совершенно другое истинное имя я не буду, для вас я — Петр. — да что же такое с его голосом и его на меня действием, он же не повышает его, не рычит, не угрожает, а внутри все вопит — беги или спрячься. — А это дежурная летописная длань — Элейна.

— Кто? — растеряно спросила, пытаясь осмыслить свою реакцию.

— Считайте меня секретарем или писарем, — ответила с очаровательной улыбкой девушка-кошка и извлекла будто из воздуха самый обычный планшет с надкусанным фруктом раздора и включила его.. — Моя обязанность все зафиксировать.

— Что конкретно?

— Ваши показания и степень их правдивости или же лживости.

— Степень… а как вы сможете определить это? — опешила я.

Элейна чуть склонила голову, будто вслушиваясь в мой вопрос и кивнула.

— Я из мерроу. Это врожденная способность нашего народа. Например, прямо сейчас я могу подтвердить, что вы прежде никогда не слышали о моем народе и его способностях.

Спросить что же это за народ такой я не успела — по мне опять шарахнул своим голосом-пугачем Петр.

— Назовите имя своего клана и ваше имя, им пожалованное. — потребовал он и я поняла — раньше все еще были цветочки.

Внутри все прямо затряслось меленько реагируя-резонируя, путая мысли. В таком состоянии и захочешь измыслить какую-нибудь ложь, а черта два выйдет сосредоточиться. Благо мне что-то придумывать нужно не было.

— Да я же сказала уже этому вашему охотнику — никаких кланов я не знаю, никто мне ничего не жаловал, а зовут меня Светланой, папа с мамой назвали.

Элейна снова по-кошачьи наклонила голову, вслушиваясь, при этом не забывая порхать пальцами по экрану планшета, а Петр же смотрел прямо на меня, продолжая повышать уровень жути.

— В каком из кланов и сколько времени вы были послушницей?

— Ни в каком. Нисколько. — ответила, закатив глаза от раздражения.

— Кто, когда и как обратил вас, Светлана? — невозмутимо вопросил Петр.

— Да понятия я не имею! На меня в пятницу напал кто-то и чудом не убил. Потом начались все странности.

— Кто напал?

— Понятия не имею.

— Тогда опишите все события того дня вплоть до момента нападения. — продолжил наводить жути Петр, а мне вдруг вспомнился случай из ранней юности.

Было мне тринадцать лет и мама где-то раздобыла путевку в детский лагерь отдыха “Мечта”. Мечта оказалась так себе — дощатые пахнущие сыростью и мышами домики на сваях, каждый на шесть человек, где-то в лесной глухомани. Древние продавленные сетчатые кровати, при малейшем движении издававшие натуральные вопли банши, бугристые ватные матрасы с крайне подозрительными разводами пятен, крошечные тумбочки с уныло отвисшими дверцами и густая настенная роспись от множества прошлых “отдохнувших” поколений. Подъем ранним утром под запись пионерского горна, зарядка, больше похожая на восстание живых мертвецов, очереди к уличным умывальникам с холоднючей водой. Телефоны у всех отобрали, потому как организаторы этого лагеря строгого режима стремились “воспроизвести прекрасную атмосферу детского отдыха в Советском союзе”. Из культурной программы — самодеятельность в стиле “развлеките себя сами”, да вечерние дискотеки под выносную хрипящую от жизни такой колонку, причем плейлист был всегда один, подозреваю, что неизменный годов с восьмидесятых.

Водили нас строем на речку глубиной по колено, вход-выход из воды по свистку, да в походы в кишащий комарами лес. В десять объявляли отбой, вожатые испарялись и вот тогда начиналось хоть какое-то веселье. В прогревшейся за день речке, несмотря на тучи комаров, мы болтались часами, совершали вылазки на кухню, пробираясь через окно и добывали хлеб

и картошку, которые жарили и запекали на кострах, и, само собой, рассказывали страшилки, какой без этого детский отдых.

А однажды пацаны предложили пойти за несколько километров от лагеря и наломать молодой кукурузы на поле за соседней станицей. Раздобыли мы мешки и пошли. Девчонки остались стоять на пыльной дороге под на удивление яркой луной с мешками, а пацаны вбуравливались на поле, выламывали початки с сочным хрустом и выбегали обратно, чтобы побросать добытое и ломануться снова в кукурузу.

И все бы хорошо и весело, но в какой-то момент у меня появилось ощущение тяжелого, пугающего до онемения в ногах взгляда в спину. Я оглянулась раз, другой, но ничего такого не заметила. Через дорогу от поля шла полоса негустой древесной поросли, рассмотреть за которой ничего было невозможно по ночи. Однако, пугающее ощущение никуда не делось, наоборот стало волнообразно усиливаться до тех пор, пока я не почувствовала какую-то просто животную степень дикого страха и, бросив мешок с початками, не ломанулась обратно в лагерь. Судя по тому, что в считанные секунды меня с визгом догнали остальные девчонки, творилось странное не со мной одной. Пацаны нам не поверили, само собой, пару дней не разговаривали и как-то дружно потом все решили, что это я во всем виновата. Испугалась не пойми чего и побежала, а остальные за мной. Позже еще выяснилось, что как раз через дорогу от того поля было закрытое еще лет сто назад кладбище и все полностью уверились, что я из-за этого страхов себе придумала. Вот только на тот момент я понятия о том кладбище не имела.

Так вот, сейчас, при звучании голоса этого Петра, ощущения меня посетили крайне похожие на тот необъяснимый страх. Но я уже не та девчонка, да и за сегодня достаточно натерпелась, поэтому он стал очень быстро трансформироваться в гнев.

— Я не пойму, вы во мне какую-то долбаную Шахерезаду тут увидели все что ли, чтобы сказками на ночь всех развлекать?! — рявкнула, даже сама от себя не ожидая. — Я все пересказала уже этому вашему козлу без стыда и совести и снова — здорово? Вам еще расскажи, а потом кому? Этому вашему Совету?

— Совсем не факт, что ваше дело дойдет до рассмотрения Совета Скрытых. — “обрадовал” Петр, выводя из себя еще больше и при этом я осознала — чем сильнее злюсь, тем слабее на меня воздействует его жуткий голос или что там в нем скрыто.

— Ага, слыхала. Если я кого убила, то и меня в расход. Только я никого не убивала, не помышляла об этом и даже не укусила, а вот на меня напали, но что-то я тут не вижу рядом прикованного того неизвестного мерзавца, который это сделал и превратил меня в черте что! У вас что, как и везде кумовство, коррупция и все косяки вешают на того, за кем связей крутых нет? Хотите из меня крайнюю по каким-нибудь своим висякам сделать? Хрен вам!

Повисла недолгая тишина, а потом Элейна спокойно произнесла.

— Дознанием подтверждено: личность обратившего подозреваемой неизвестна, прямого умысла на кормление с летальным исходом для жертвы не имелось, какими-либо сведениями о своей трансформации до встречи с охотником она не обладала.

— Ну, а я что говорил. — раздался знакомый мужской голос из-за пределов допросной каморки. — И сама ты коза мелкая.

Выходит этот чертов охотник никуда не ушел с концами, а явился с этими дознавателями, только не глаза не показывался, стоял там и подслушивал?

Я не успела справиться с удивлением и сгенерировать хоть какой-то ответ, как Петр уперто повторил:

— Опишите ваш день до момента нападения. В мельчайших подробностях. Нам это необходимо для расследования.

— А мне необходимо поесть и попить, а еще поехать домой, потому что у меня там пес сидит в вольере один и, кроме меня, у него никого нет.

— И все же я настаиваю. — вроде бы просто сказал Петр, но на меня такая волна первобытнейшей жути накатила, что только чудом по ногам не потекло и я не упала на пол, скручиваясь клубком.

— Эй, ты не жести совсем уж! — донеслось сквозь накрывшую пелену.

А я начала свой рассказ, причем в первый момент даже не осознавая, что уже говорю, выполняя требование и только пару минут спустя стала это делать хоть сколько-то осмысленно.

— Ну что? — спросил охотник, появляясь в дверном проеме, когда я закончила и чуть не сползла на пол — таким опустошением накрыло, будто меня заживо выпотрошили и еще и кости извлекли. А голод с жаждой обратились в тупую лютую непроходящую боль.

— Ты не имеешь права вторгаться на территорию дознания. — недовольно буркнул Петр.

— А я так-то формально снаружи. — отмахнулся мой захватчик, подняв руки и демонстрируя что действительно стоял за пределами каморки. — Так что, морок?

Последнее он спросил уже у Элейны.

— Да, и настолько искусный и плотный, что Петр не смог даже почти в полную силу до истинного облика добраться. — со вздохом подтвердила девушка.

— Ага, а я говорил, что тут без кого-то из Верхних не обошлось! — с непонятным азартом оскалился в ухмылке охотник.

— Не обязательно. — покачала головой девушка и отвела взгляд.

— Обязательно! — настаивал мой захватчик. — Надо срочно собрать доказуху и выносить это на Совет. Какого они себе позволяют?!

— Не уверена, что стоит. — опять покачала головой Элейна. — Ты разве не понимаешь, к чему это может привести? Нужно ли это?

— Элейна, какого хрена? — мигом вскипел охотник. — Петр, ты с ней согласен?

— Мне, как думаю и тебе, нравится жить в мире. — ответил жуткий тип, коротко глянув на меня. — Но запрещать или останавливать тебя, Ро, я не в праве. Дознание должно быть честным, полным и одинаковым для всех.

— В таком случае, по праву добывшего охотника, я ее забираю. — и он шагнул в тесное помещение, вынудив девушку его покинуть. — Сам займусь всем.

— Рокот! — чуть повысила голос Элейна. — Подумай хорошенько! Зачем это, все же хорошо идет! Можно же замять и…

— Замять, это прикопать меня по тихому? — вмешалась в разговор я.

Элейна сверкнула на меня огромными зелеными глазами как-то раздраженно и виновато одновременно и стремительно пошла прочь, исчезая из моего поля зрения.

Охотник, которого они назвали Рокотом, подошел и отстегнул цепь от кольца.

— Идем и не вздумай исполнить что-нибудь, а то я правда предпочту замять все. — буркнул он и повел за собой по уже известному маршруту.

Петр промолчал, так и оставшись стоять в углу мрачной вешалкой в балахоне. В гараже или чем там это было, света так никто и не включил, но на это раз охотник открыл для меня переднюю пассажирскую и тут же по обонянию и следом по исстрадавшемуся нутру ударило головокружительным ароматом жареного мяса. Я буквально рухнула на сидение и согнулась от спазмов желудка.

Рокот же через секунду плюхнулся на водительское, резко распрямил меня, потянув за плечо и взяв с торпеды приличных размеров бумажный сверток, шлепнул мне его на колени.

— На, перебей самую жесть. — велел он и завел движок. — Настоящий голод это не погасит, но немного полегчать должно.

Но последних его слов я уже практически не услышала, потому что с утробным рыком рванула бумажную упаковку и вгрызлась в обернутое тонким лавашом мясо.

ГЛАВА 11

В себя я пришла только тогда, когда с легким постаныванием облизала последние капли протекшего соуса с пальцев и сразу же ощутила на себе пристальный взгляд. Само собой, смотрел на меня Рокот, больше-то некому, причем даже в окружающей темноте я могла видеть и то, что его рот кривился в легкой усмешке и то, как он приподнял и изогнул левую бровь.

— Эк тебя вштырило с обычной шавермы. — фыркнул он, заставив сильно смутиться. — Вот бы с любой бабой это работало.

— А ты относишься к тем мужикам, которые считают, что женщина должна к нему в постель прыгать за то, что он ее ужином покормил? — скрывая стыд, огрызнулась я, но тут же опомнилась. — Спасибо. Мне это было очень нужно.

— Да знаю я, что тебе на самом деле нужно. Передышка будет недолгой и станет чем дальше, тем хуже, так что давай говори куда мы едем, пока ты еще в полном адеквате. — велел он.

— А мне-то откуда знать куда мы едем? — опешила я от его вопроса, к тому же обнаружив, что мы уже оказывается выехали за ворота базы и авто с заведенным движком стоит на незнакомой улице.

Это что же, я так упоенно давилась тут едой, что ничего и не заметила? Хотя, если вспомнить мое жуткое состояние, это вообще не удивительно. А этот Рокот сидел и пялился на то, как я не ем, а натурально жру едва ли не по звериному и потешался, небось.

— Походу ты реально не слишком привыкла мозгами пользоваться. — язвительно проворчал охотник. — Я же сказал, что мы едем собирать доказуху по факту нападения на тебя. А где это делают, как не на месте собственно происшествия?

— А прямо так и сказать — скажи мне, Света, где на тебя напали у тебя бы язык сломался? — снова перешла на огрызательства я, ну потому что напрашивался он. — У меня только что вся жизнь с ног на голову перевернулась, похищение с допросом с пристрастием я пережила и чуть от голода не ополоумела, посмотрела бы, как ты сразу после такого гениальными идеями сыпал!

— Высказалась? Едем куда?

— СНТ “Ударник”! — рыкнула в ответ.

— И?

— Что “и”?

— Ориентиры какие или ты думаешь, что все вокруг в курсе в каком районе это твое затрапезное СНТ?

— Во-первых, никакое оно у нас не затрапезное, к нам из города все богатеи пруться землю под загородные дома покупать…

— Во-вторых-третьих-пятых, хорош, а! Чтобы ты была в курсе: я ни хрена не любитель бабского мозговыноса в любой его форме. Так что, четко и по делу рот открывай, а то у меня есть чем его заткнуть, ты же в курсе.

— Деревня Вяхирево. По трассе в направлении на Питер, потом влево. — буркнула я, проглотив злость. — Хам.

— Сама дура. — ответил мне в тон Рокот, забил данные в навигатор в телефоне и мы наконец тронулись.

До выезда из города ехали в тишине, только под вяканье женского томного голоса из навигатора иногда. Я злилась, а охотник, похоже, наслаждался тишиной, вон даже музыку не включил. Однако, на трассе я решила, что хватит ему кайфовать.

— А этот Петр, он кто был? — решила я начать с нейтрального, не имеющего прямого отношения ко мне, вопроса.

— Он же тебе сказал — дознаватель. — с явной неохотой ответил Рокот.

— Дознаватель — это должность, а сам по себе он кто? Явно же не человек… ну не обычный, по крайней мере.

— Жутейник. — ответил, как одолжение сделал охотник. — Еще бывает пужанцами раньше звали и страхопрядами. Сейчас они очень редкими стали.

Надо же какое точное название, полность характеризующее челове…

— А это … ну как бы … нечисть какая-то?

— Ага, какая-то такая же, как и ты теперь. — фыркнул он насмешливо.

— И ты? Нормально разве трудно ответить?

— Слушай, я, что в учителя по житию в мире Скрытых тебе нанимался? — с явным раздражением зыркнул Рокот на меня.

— Да при чем тут нанимался. Едем же, почему не поболтать, скучно ведь.

— Тебе скучно?! — он аж по тормозам ударил. — Недостаток в жизни сказочных событий, детка? Так поверь, впереди у тебя их с избытком!

— То есть, чтобы на меня жути навести тебе языком двигать не лень, а чтобы хоть что-то объяснить — западло?

— Лексикончик у нынешних девушек, однако. — фыркнул он, снова трогаясь. — Ладно, походу ты не отстанешь. Значит так: я тебе крайне не рекомендую употреблять в отношении не людей слово нечисть. Мы все исключительно Скрытые народы. Поняла? Нечисть же для нас — оскорбительное слово, а оскорблять в нашем мире, где ты новичок и пока даже не имеешь покровителя, прямой путь к очень быстрому упокоению. К слову, к нежити все это не относиться, их оскорбляй сколько влезет, тут главное быстро убежать после этого, если нет сил убить.

— А … а-а-а это прям сильно разные понятия? — спросила и по короткому взгляду, который в меня метнул Рокот, поняла, что напрасно.

— Нет, она еще на дуру обижается! — рявкнул он. — Не-жить! Само слово ни о чем не говорит?

— О том … что оно не живое?

— Да неужели дошло.

— Но вон в книгах и мифах с легендами всяких вампиров-оборотней-вурдалаков-волкодлаков тоже и так и эдак называют.

— Потому что книжки эти с легендами внешники всякие и насочиняли, Скрытых с нежитью в одну кучу перемешали и всякой херни вокруг понавешали. Забывай ты все из этих книжек, ясно?

— Ясно. А внешники — это все нормальные люди?

— Они самые. К которым ты больше не относишься.

А без лишних напоминаний прям никак? Вот же язва сволочная!

— Поворот сейчас не пропусти.

Мы свернули с трассы на убитую гравийку, машину заметно затрясло по ухабам, а вдали стали видны редкие огоньки в окнах Вяхирево, мимо которого мы проезжали.

— Какого тебя занесло сюда жить? — раздраженно спросил Рокот, угодив правым передним в особенно глубокую выбоину. — Молодая же девка, чего в городе не сиделось?

— Будто у меня выбор был. Другого жилья у меня нет, только эта дача от бабули.

— Тоже мне проблема. — пренебрежительно ответил он. — Мордочка смазливая, сиськи зачетные, задница тоже не плоская, че не можешь найти себе папика, чтобы хату тебе снял в городе? Или вся из себя гордая и самостоятельная?

— А если так, это что, недостаток по-твоему? И вообще, мне нравится жить тут!

— По-моему, гордость и привычка к самостоятельности, детка, а еще привычка борзеть и дерзить в мире Скрытых тебе ой как будут боком выходить.

— Это почему же?

— А потому, что это у внешников в последнее время процветает всякая дурость типа равноправия, феминизма и женской самостоятельность, а среди подавляющего большинства Скрытых все так, как и было много веков назад — женщина с рождения или обращения должна иметь принадлежность к семье, клану, стае или же получить покровителя. По другому никак. Уж у кровососов точно.

Офигеть! Это что, я мало того, что в вампиры без всякой добровольности угодила, так к этому еще и махровое Средневековье с его нравами и обычаями прилагаются?

— Хочешь сказать, что среди этих ваших Скрытых женщины полностью бесправны и до сих пор как имущество или рабыни у мужиков? Да нафига мне такая жизнь тогда?

— Раньше думать надо было. Вот не дергалась, высушил бы тебя вамп и никаких проблем больше. Вообще и никогда.

— Чувство юмора у тебя — поганей не встречала. И тормози, мы на месте. Плюс-минус метров пять он на меня напал.

Рокот остановил авто и не говоря мне не слова, схватил конец цепочки с ручных оков и ловко пристегнул ее к ручке двери.

— Я пойду понюхаю, а тебе дергаться не советую, оковы не порвать.

— Да я и не собиралась никуда бежа… — слова застряли у меня в горле, потому что он покинул салон и стал быстро, хоть и без грамма суеты раздеваться, бросая вещи на сиденье.

Когда дело дошло до его довольно широких штанов с множеством карманов, типа тех, которые носят какие-нибудь спецназовцы, только не пятнистых, я деликатно отвернулась к окну. Очень надо мне на его стриптиз любоваться. Хотя, даже учитывая, что тут совсем темно… Да ну нафиг! Нет!

— А ты собственно с какой целью… — договорить я не успела, меня прервали крайне неприятные, я бы даже сказала отвратительные звуки.

Влажный хруст, мерзкие щелчки и утробный стон, от которого реально все волоски на теле дыбом встали бы, если бы я пренебрегала эпиляцией. Повернувшись я уставилась на самое жуткое зрелище за свою жизнь. Куда там ужастикам и кровавым хоррорам! На моих глазах человека будто нутром наружу выворачивало какой-то чудовищной силой и это нутро было окровавлено-меховым. Не знаю каким чудом меня не вывернуло в первым момент, а в следующие несколько секунд багровый волос меха стал серебристо серым, как если бы впитал всю кровь без всяких следов и у машины бодро отряхнулся громадный, в холке мне по грудь наверное, зверюга. Волков я видела только по телеку, но отдаленное сходство было, если бы не размер и чрезмерная мускулистость твари, чего у сухопарых реальных зверей не припоминаю.

Закончив отряхиваться, хрустеть и щелкать суставами, зверюга потянулась, припав на передние лапы, а потом сунула свою чудовищную башку в распахнутую дверь машины. Издав придушенный писк, я вжалась в свою дверь, боясь не то, что пошевелиться — вздохнуть. А вот зверь меня обнюхивал не меньше минуты и очень тщательно, ткнувшись мокрым носом сначала в волосы на виске, потом в плечо и под конец в бедро.

Я зажмурилась и сжалась до окаменения, а между тем, ничего больше не происходило. Меня никто больше не нюхал и не тыкал носом и решившись приоткрыть глаза, я обнаружила, что зверюги уже нет и как я не прислушивалась, никаких звуков, говорящих о том, что он неподалеку не уловила.

— Да ну нахер! — пробормотала, начав шарить по машине в поисках чего-либо, способного сработать как отмычка. — Хватит с меня! Уж на такую жуть я не подписывалась!

Внезапно меня осенила светлая мысль, что ключ Рокот доставал из кармана штанов, а они вот — лежат рядом на сиденьи. Трясущимися руками стала шарить по карманам и чуть на завизжала от радости, обнаружив во втором по счету связку ключей. Скважина на браслетах была своеобразная, так что и подбирать не пришлось.

Освободившись, я даже свою дверь открывать не стала, избегая лишнего шума. Выскользнула ящерицей в водительскую и замерла. Ничего не было слышно. Я поначалу перемещалась короткими перебежками, на цыпочках и пригнувшись к земле. Бежать так по камням гравийки — то еще удовольствие, но я, стиснув зубы, терпела. И только когда достигла забора Мишиных выпрямилась и ломанулась, что есть духу.

ГЛАВА 12

Влетев во двор, я первым делом кинулась к вольеру Юпитера, распахнула дверь и, бухнувшись на колени, обняла его за мощную шею, уткнувшись лицом в густую шерсть, пахнущую родной псиной и нормальностью из моей прошлой, судя по всему, жизни . А Юпи, от неожиданности видать, позабыл, что он теперь держит дистанцию и позволил себя тискать, только напряженно замер, позволяя ощутить, какая мощь скрыта под мягкой шкурой. Но конечно же она ни в какое сравнение на шла с мощью той тварюги, в которую превратился чертов Рокот.

— Что же делать-что же делать? — забормотала я, прекратив нервные обнимашки и вскакивая на ноги. — Как нам быть, Юпи? Куда бежать? И как?

Юпитер вышел из вольера и потрусил к дому, явно намекая, что на голодный желудок серьезные решения принимать не стоит и сама я ощутила внутри не то, что прежнюю зверски-голодную пустоту, но некий ее предвестник, как если бы та огромная шаурма прошла через мой желудок экспрессом, задержавшись совсем ненадолго.

В любом случае стоять во дворе и вопрошать у ночного неба, что мне дальше делать было бессмысленно, так что я схватила ключ от двери из вольера и побежала к дому.

Юпи взял в зубы свою миску и грохнул ею об пол, уже не намекая, а прямо заявляя о своих потребностях и я открыла и вывалила ему банку корма, тут же озадачившись чем же я собираюсь его кормить во время нашего побега. Бросать друга даже варианта в голову не пришло, кому-то поручить по-быстрому … ну это тоже не вариант. Соседки пенсионерки конечно хорошо к нему относятся, но взять к себе, тем более сейчас, когда внуки к ним вот-вот нагрянут, просить не буду, как раз потому, что мне безропотного Юпи жалко. А оставлять денег, чтобы только приходили кормить и выгуливать … ну это не жизнь для вольного алабая. Ирка — сразу нет. Она безалаберная и безответственная, забудет о существовании собаки моментально, он же не чихуахуа, которую можно под мышкой таскать везде с собой и выгуливать в цветочном горшке.

Вытащив из шкафа в прихожей большую дорожную сумку, я помчалась в спальню и начала закидывать в нее вещи, но остановилась и руки опустились. Представила нас с Юпи, грязных и оборванных, ночующих под деревьями и в заброшках, кто же нас таких заночевать пустит, купающихся исключительно в природных водоемах неизвестной чистоты, плетущихся под палящим солнцем … куда? Через всю страну на юг, где хоть зима помягче? Как раз к холодам и дойдем, потому как, это же я в курсе, что Юпи — душка и мухи не обидит, а окружающие в нем медведя-убийцу видят. А может надо деревню какую-нибудь заброшенную искать, мало ли их таких по стране, а там все какая-никакая крыша над головой. Ага, Простоквашино, живите кто хотите. А жить-питаться на что в этом Простоквашине? Грибами-ягодами и прочим подножным кормом, еще и корову где-то по дороге стырить, потому что фиг мне на нее денег хватит. И это я могу еще перебиться, а Юпитеру так-то говядина нужна не в самостоятельно передвигающемся на четырех ногах виде.

Подумать о том, что мне самой теперь светит очень особенная диета, не подразумевающая жизнь вдали от людей, я не успела. Потому что, к слову о душках и медведях-убийцах, в моем дворе начало твориться нечто страшное, судя по бешеному лаю, потом реву, грохоту и треску.

Вылетев из спальни, я промчалась по коридору и выскочила на веранду, но тут же отшатнулась. Потому что там с холодящим кровь рыком катался здоровенный клубок из двух мохнатых тел, светлого поменьше и темно-серого гораздо больше. Они уже разломали стол, лавку, стулья и шезлонг и даже подломили два опорных столба крыши, так что ее опасно перекосило.

— А-а-а-а! — завопила я во всю мощь легких, — Помогите-е-е!!!

Но помогать мне никто не спешил, а бойня, где мой бедный Юпи явно не мог быть выигравшей стороной, продолжался. Так что, улучив момент, когда клубок дерущихся откатился с дороги, я прошмыгнула наружу, схватила шланг для полива и рывком открыв вентиль до предела, направила струю на дерущихся.

На мою удачу это сработало, клубок распался и противники отпрыгнули друг от друга, но я и не подумала прекратить миротворческий полив, направив мощную струю прямо в морду гадкого агрессора.

Он затряс башкой, окатывая брызгами все вокруг, резко вскинулся, встав на задние лапы и мгновение спустя, пропустив все отвратительные спецэффекты превращения, перед нами стоял уже голый Рокот.

— Тьфу, ты прекратишь это?! — рявкнул он, — Она же, блин, ледяная, как зараза!

— Колодезная. — зачем-то ляпнула я, так и не отводя шланг, зависнув от изумления.

— Аррр! — взбелинился охотник, одним прыжком очутился рядом со мной, выхватил шланг и окатил уже меня с ног до головы.

— Дурак совсем! Меня то за что?!— завопила я, шарахнувшись от него. — Она же холоднючая!

— А я тебе что сказал! — рявкнул он зло и тут же резко отвернулся, ткнув пальцем в морду уже готового его цапнуть за бедро Юпи. — Только посмей опять! Помятыми боками не обойдешься!

И что-то такое прозвучало в его голосе, могучее, давящие, аж в голове завибрировало и по мышцам краткий спазм пронесся. А Юпитер, продолжая скалиться и глухо рычать, очень медленно сначала опустил голову, а потом и сам опустился на лапах на землю, будто его к ней притянуло бешеной гравитацией или размазало неимоверной тяжестью сверху. А Рокот все продолжал таращиться на него сверху вниз и мне вдруг почудились нотки боли в меняющемся рыке пса. И именно охотник как-то эту боль ему причинял.

— А ну прекрати сейчас же! — заорала я, но была проигнорирована.

Оглянувшись, я увидела отлетевшую ножку сломанного стола, старого, деревянного, из тех, что раньше на века делали, схватила его и врезала по затылку Рокоту. Ну, то есть по тому месту, где оный мгновение назад был. Потому что он переместил-перетек в сторону, уходя от удара, а учитывая силу замаха, меня крутануло вокруг себя и я чуть на задницу не села, запутавшись в собственных ногах.

— Ладно, уважаю, мужик, в своем праве. — все так же игнорируя меня обратился ловкий мерзавец к Юпитеру. — Вижу уже с кем тебе дело иметь приходиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.